Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/zhizn-orthodox-life_1958-01_1

PRAVOSLAVNAIA ZHIZN

PROCESSED
APR 25 2007
GTU LIBRARY

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе
къ журналу
„Православная Русь".

1

ЯНВАРЬ 1958 JANUARY

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Entered as second-class matter at the post office at Jordanville, New York

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE
THEOLOGICAL UNION

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово послѣ Новогодняго молебна приснопамятнаго архіепископа Симона 3
Слово въ недѣлю «По Просвѣщеніи» Его же 4
Новый годъ.31 декабря 1860 6
Новый годъ. 1 января 1861 7
Новый годъ. 31 декабря 9
Крещеніе Іоанново. 5 января 1857 10
Богоявленіе. 6 января 1861 13
Се Агнецъ Божій. 6 января 1859 г. (К. П. Побѣдоносцева) 15
Покаяніе. Стихотвореніе Г. Г. Кишкина 17
Конокрады (Рождественская быль 1897 г.). А. П. Михаловскаго. 18

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Житіе св. Саввы, архіеп. Сербскаго 25
Житіе св. Іоанна Кущника 26
Св. Павла (Палестинская подвижница). М. В. 31

Училище благочестія.

Приснопамятнаго еп. Игнатія Брянчанинова. Ученіе о плачѣ преподобнаго Пимена Великаго 34
О слезахъ 35

Тріодь Постная.

На складѣ Свято-Троицкаго монастыря желающіе могутъ пріобрѣсти **ВЕЛИКІЙ СБОРНИКЪ часть третію** ТРІОДЬ ПОСТНУЮ, которая содержитъ полностью службы **всей первой седмицы Великаго поста** и **Страстной седмицы,** а равнымъ образомъ въ ней помѣщены полностью всѣ каноны и всѣ положенные по уставу трипѣснцы. Книга напечатана на хорошей плотной бумагѣ, двумя красками, 608 страницъ. Цѣна книги въ листахъ 9 долларовъ, въ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 14 долларовъ.

Слово послѣ новогодняго молебна

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

Въ ночь на 1/14 января 1932 г.

Въ полночь собрались мы въ церковь помолиться при наступленіи новаго года. Въ полночь служить новогодній молебенъ — обычай сравнительно новый, но молиться въ полночь это исконный уставъ Православной Церкви.

Въ кругу церковныхъ службъ есть особая ежедневная служба — полунощница. Въ монастыряхъ, гдѣ служба совершается строго по уставу, полунощница предваряетъ утреннюю службу. Въ старое время у насъ въ Россіи не только въ монастыряхъ, но и въ приходскихъ церквяхъ — въ селахъ и городахъ — соблюдался уставъ о служеніи подъ великіе праздники, напримѣръ подъ Рождество Христово, заутрени, начинавшіяся ночью. Но за послѣднее время всюду стали служить всенощную — съ вечера, только въ Пасху неизмѣнно сохраняется уставъ о началѣ службы съ полуночи.

Пасхальная заутреня извѣстна всѣмъ намъ, русскимъ людямъ, какъ единственная въ году служба, какъ великое торжество — торжество изъ торжествъ, какъ и самая Пасха есть праздникъ изъ праздниковъ. Но ежедневная полунощница едва ли кому теперь и извѣстна, а она содержитъ въ себѣ мысль, которую постоянно нужно помнить: она напоминаетъ о второмъ пришествіи Христовомъ: «Се Женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, Его же обрящетъ бдяща, недостоинъ же паки, его же обрящетъ унывающа».

Не то значитъ это пѣснопѣніе, что пришествіе Христово будетъ въ полночь — пришествіе Христово будетъ для всей вселенной, а

полночь переходитъ съ одного мѣста на другое, — но въ томъ смыслѣ сказано: «Се Женихъ грядетъ въ полунощи», что второе пришествіе будетъ началомъ будущаго вѣка, подобно тому какъ полночь является началомъ наступающаго дня.

Пасхальная полночь есть торжество въ честь воскресенія Христова, совершавшагося въ полночь. А настоящую полночь мы отмѣчаемъ какъ наступленіе новаго года — начало новаго періода времени нашей жизни и слѣдовательно начало суда надъ нами, ибо время открываетъ достоинство нашихъ дѣлъ: пристрастно мы судимъ о своихъ дѣлахъ, а справедливый судъ о нихъ открывается послѣ. Поэтому настояшая полночь должна быть у насъ не торжествомъ, подобнымъ пасхальному, а «полунощницей», возвѣщающей намъ: «Се женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща, не достоинъ же паки, его же обрящетъ унывающа». И пусть каждый, выходя изъ церкви нынѣ, говоритъ себѣ: «Блюди убо, душе моя, не сномъ отяготися, да не смерти предана бдеши, и Царствія внѣ затворишися. Но воспряни, зовуще: Святъ, святъ, святъ еси Господи, Богородицею помилуй насъ».

Слово въ недѣлю «по Просвѣщеніи»

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

11/24 Января 1932 г.

Послѣ того, какъ заключенъ былъ въ темницу Іоаннъ Креститель, Господь Іисусъ Христосъ пришелъ въ Галилею, проповѣдуя Евангеліе Царства Божія и говоря: исполнилось время и приблизилось Царствіе Божіе: покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе (Мрк. I. 14-15. Мтѳ. 4. 12-17).

Насильственно остановлена проповѣдь Іоанна Предтечи, уже не собираются на берегъ Іордана толпы благочестиваго народа слушать грозное слово пророка. Но вотъ на сѣверѣ Палестины, въ землѣ Завулоновой и Нефѳалимовой, въ Галилеѣ языческой, начинается проповѣдь Самаго Господа, — начинается тѣми же словами, какіе говорилъ Іоаннъ: «покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное (Мтѳ. 3. 2. 4. 17).

Приблизилось Царство Небесное, и ничто не могло воспрепятствовать его явленію. Иродъ заключилъ Іоанна Крестителя въ темницу и обезглавилъ его, потомъ Іудеи распяли Господа Іисуса

Христа и Апостоловъ Его изгнали. Но Царство Божіе — Святая Церковь Христова — распространилась по всей землѣ.

Проповѣдь «приблизилось Царство Небесное» на всѣ времена остается новой и живой, ибо людямъ нужно возрасти духовно, чтобы ясно увидѣть явленіе Царства Божія на землѣ, а пока до полноты возраста Христова человѣкъ не достигъ, онъ еще не ясно видитъ явленіе Царства Божія и ему нужна проповѣдь, что Царство Божіе близко.

Для того и рождается человѣкъ въ семъ мірѣ, чтобы ощутить Царство Божіе, познать явленіе его и научиться жить по законамъ его. Когда созрѣетъ человѣкъ для Царства Божія, онъ, волею Божіею, отходитъ отъ міра сего, какъ пшеница убирается въ житницу.

Мы, русскіе люди, отъ младенчества — черезъ Святое Крещеніе — пріобщены къ жизни Царства Божія, но господствующій въ мірѣ грѣхъ и насъ дѣлаетъ чужими для Царства Божія. Въ Отечествѣ нашемъ открыто воцарился грѣхъ богоборчества, такъ что и вѣрные сыны Царства Божія страхомъ вынуждаются тамъ затаивать свою принадлежность къ Царству Божію. А здѣсь, гдѣ нѣтъ страха предъ безбожной властью, тотъ же грѣхъ богоборства соблазнами и обольщеніями заставляетъ многихъ изъ насъ отступать отъ своего христіанскаго званія — въ угоду чуждымъ, богопротивымъ порядкамъ и обычаямъ. Вотъ и повторяется для насъ проповѣдь о близости Царства Божія, чтобы мы каялись и вѣровали Евангелію Христову.

Какъ бы такъ взываетъ къ намъ Святая Христова Церковь. Почему вы такъ боязливы и нестойки въ законахъ той жизни, къ которой принадлежите по нареченію на васъ Христова имени? Развѣ вы не вѣрите, что Царство Божіе внутри васъ есть, какъ сказалъ Господь? — Развѣ думаете, что оно еще не достигло до васъ? — Покайтесь — отвалите камни лжи и суеты, омрачающей вашъ разумъ и смойте съ вашихъ сердецъ грязь житейскихъ соблазновъ, — тогда вы ощутите благодатную силу Царства Божія и откроются предъ вами райскія двери, какъ открылись они покаявшемуся разбойнику распятому съ Господомъ Іисусомъ Христомъ.

Распятый съ Господомъ разбойникъ только устами исповѣдалъ свою вѣру въ явленіе Царства Божія, и тотчасъ услышалъ отъ Господа отвѣтъ: «Нынѣ же будешь со Мною въ раю». (Лук. 23, 43). По суду правителя земного, разбойникъ былъ распятъ въ тотъ же день для наказанія за преступленія, а по милости Царя Небеснаго день и часъ распятія назначенъ былъ ему для вступленія въ Царство Божіе. Мы являемся въ міръ сей на день испытанія, на тотъ день, когда совѣсть наша рѣшительно потре-

буетъ отвергнуть грѣхъ и пристрастіе къ міру, чтобы служить намъ Богу и въ Немъ полагать свое упованіе. И горе тому, кто пропускаетъ такой день и не обращается къ Богу.

«Исполнилось время и приблизилось Царствіе Божіе». Какъ бы такъ говоритъ намъ Господь: Русскіе люди! Вотъ въ Отечествѣ вашемъ господствуютъ безбожники, враги Царствія Божія, и вы, изгнанные изъ Отечества, приспособляясь къ чужеземной жизни, все болѣе отступаете отъ законовъ Царства Божія. Почему вы не ревнуете о явленіи Царства Божія? Неужели вы думаете что теперь не время явленію Царства Божія? — Развѣ не вѣрите Евангельской проповѣди о близости Царства Божія? — Васъ не гнететъ житейская нужда? — Вы трепещете за свою судьбу въ этомъ мірѣ и своими силами думаете спасаться. Не бойтесь призрака нужды житейской, не поддавайтесь обольщенію манящей васъ роскоши и наживы и не преклоняйтесь предъ страшилищемъ богоборной силы — но ищите Царства Божія и правды Его, поучитесь едиными устами и единымъ сердцемъ сказать въ день распятія вашего: помяни, насъ, Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

До сего дня мы еще не сумѣли этого сказать: ибо если бы сумѣли, то уже царствовали бы со Христомъ, по слову Его, сказанному разбойнику: «Нынѣ же будеши со Мною въ раю». Доколѣ же будемъ молчать и свою вѣру въ Царство Божіе прятать предъ лицемъ грѣшнаго міра, и что такое этотъ грѣшный міръ, чтобы изъ страха предъ нимъ скрывать и не исповѣдывать вѣры въ Царство Божіе? — Покаемся, исправимъ пути свои, отвергнемъ все противное заповѣдямъ Божіимъ — и тогда увидимъ, что «Нынѣ время благопріятное, нынѣ — день спасенія», ибо исполнилось время, близко Царствіе Божіе. Аминь.

Новый годъ.

31 ДЕКАБРЯ 1860.

Еще разъ на порогѣ новаго года . . . Еще вершина, на которой можно остановиться, съ которой можно обозрѣть пройденный путь, прежде чѣмъ пуститься въ дорогу. Остановлюсь, отдохну, скажу запретъ хоть на эту минуту безпокойному сердцу, укроюсь отъ вьюги, которая провожала меня всю дорогу и снова встрѣтитъ меня, когда опять выйду изъ своего уединенія. Боже! помоги мнѣ спокойно взглянуть въ свою душу и на Твое твореніе.

Смотрю отсюда на твореніе Божіе, на все, что было Имъ послано мнѣ, что поставлено около меня, что по волѣ Его собрано въ моей жизни,

*) Извлечено изъ книги: «Праздники Господни» (К. П. Побѣдоносцева).

и положа руку на сердце, изъ глубины сердца и совѣсти говорю: *вся добра зѣло!* Вотъ — мое счастливое дѣтство — какъ ярко сіяетъ и благоухаетъ оно изъ далекаго прошедшаго, какъ освѣщаетъ передо мною путь мой, какъ освѣжаетъ душу въ минуты изнеможенія! Вотъ — пылкая юность, и съ нею все, отъ чего зародились въ душѣ первые восторги сочувствія. Вотъ — мои уроки, мои радости, мои горькія потери, вотъ люди, съ которыми жить мнѣ счастье, вотъ другіе, кого похоронилъ я въ сырую землю, самъ себя не помня отъ скорби, вотъ всѣ тѣ, съ которыми я росъ и работалъ, отъ кого лились на меня дары любви и негодованія, отъ кого принималъ я и честь и безчестіе; вотъ природа, которая казалась мнѣ иногда еще живѣе и сочувственнѣе, чѣмъ живые люди, и еще сильнѣе возбуждала духъ мой, — вотъ мои забавы ,мои встрѣчи, мои болѣзни. Вся, вся *добра зѣло.* Все хорошо, что пришло мнѣ въ жизни отъ Промысла Божія. Все было не даромъ. Все было во благо.

Мое прошедшее! Какъ далеко ушло оно назадъ, въ неизвѣстную сторону, изъ которой достаешь себѣ то радостный звукъ, то милый образъ, то утѣшенье и надежду, то горькій упрекъ совѣсти. Посмотришь въ него — улыбнешься радостно; посмотришь другой разъ — отъ стыда закроешь лицо руками. И все таки думаешь: оно — мое, оно — я самъ, оно — часть моей жизни, и никакая сила не возьметъ его отъ меня, не изгладитъ то, что въ немъ написано. А написана въ немъ — вся судьба человѣка. Много въ немъ такихъ строкъ, коихъ таинственный смыслъ разгадаешь когда нибудь послѣ, — послѣ, когда созрѣетъ зерно, которое было тамъ положено, когда выступитъ наружу и обрисуется яркими буквами то слово, которое написала тамъ еще неоткрывшаяся уму и совѣсти, но всегда присущая жизни — вѣчная мудрость. Пока человѣкъ переживалъ дни свои, пока дѣлалъ и спалъ, смѣялся и плакалъ, пока кружился и отдыхалъ, — *она* написала въ жизни его это слово и запечатала его своей печатью и положила на него зарокъ, пока придетъ время — сломится печать, и еще темный уголокъ прошедшаго освѣтится свѣтомъ сокрытаго въ жизни разума Божія. Больно бываетъ читать иныя слова, но когда прочтешь ихъ, сердце узнаетъ, что это глаголы любви Божіей и Промысла Божія о человѣкѣ. Съ каждымъ новымъ словомъ еще тайна является, еще снимается покровъ и открываются человѣку помышленія и желанія его сердца.

Вся добра зѣло... И все таки бьется, и все таки проситъ чего-то въ эту минуту безпокойное сердце — и все таки заботливо вглядывается въ далекое будущее.

Господи, благослови!

Новый годъ.

1 ЯНВАРЯ 1861.

Кто не испыталъ этого чувства? Кому не приходилось на своей дорогѣ останавливаться въ торжественную минуту, когда все говоритъ че-

ловѣку, что жизнь его куда-то поворачиваетъ? Куда — неизвѣстно. Все, что наполняло душу интересомъ житейскимъ и волненіемъ, прожито, прежній кругъ жизни законченъ — открывается какой-то новый кругъ, въ который зоветъ Провидѣніе. Лелѣялъ въ себѣ чувство — оно разбилось; разработывалъ въ себѣ мысль — она оказалась заблужденіемъ; привязалъ свое сердце къ земному сокровищу — оно украдено; положилъ всю душу свою въ любимаго человѣка — онъ отступилъ и оставилъ. Сердце разбито — поблѣднѣли всѣ радужные образы жизни; надежды, которыми жила душа, улетѣли и оставили въ душѣ горькую пустоту. Надобно проститься съ тѣмъ, что было всего дороже, въ чемъ разсчитывалъ провесть и закончить жизнь свою. — Тяжкія минуты — но въ такія минуты горизонтъ нашъ прочищается и взглядъ, отуманенный заботами, начинаетъ пристальнѣе всматриваться въ ту ясную даль, гдѣ лежитъ наше "единое на потребу", гдѣ Промыслъ Божій таинственно скрываетъ до времени судьбу своего созданія. Оглядываешься назадъ и видишь, сколько разъ въ тяжкой борьбѣ твоей съ своимъ желаньемъ, въ слезахъ объ утраченной земной радости и надеждѣ, — оборачивалась къ тебѣ судьба твоя и на мигъ показывала тебѣ свѣтлое и задумчивое лицо свое, для того, чтобы сказать твоему сердцу: не бойся, Богъ любы есть. Видишь, какъ всякое горе, всякое разставанье, всякая новая пустота, оставленная въ сердцѣ несбывшимся желаніемъ и разрушенною связью, — какъ все это глубоко залегло въ твоей жизни и намѣтило въ ней грани и ступени провидѣнія Божія, какъ изъ самыхъ мрачныхъ мѣстъ засіялъ свѣтъ, по острымъ холмамъ пролегла ровная дорога. Ты думалъ — кончилось, ты запретилъ сердцу желать по прежнему, желать и привязываться, ты говорилъ себѣ: *не подвижуся во вѣкъ;* наученный горькимъ опытомъ, не обманусь болѣе. Но вотъ — еще немного, и снова ты пожелалъ, и опять привязалъ свое сердце къ новому сокровищу, опять положилъ въ человѣка душу свою, утвердилъ на немъ свое счастье, — и опять лежитъ твое сердце, разбитое, обманутое. А казалось — желаніе было такъ законно, замыселъ былъ такъ простъ, счастье было такъ близко!

Въ такія минуты приходитъ на память трогательная исторія Павлова прощанія въ Милетѣ съ учениками. Какъ было ему горько! Горячая душа его давно уже вся отдалась любви Божіей; но въ эту минуту и въ немъ заговорила человѣческая природа. Въ тоскѣ, слезахъ обнимаетъ онъ друзей и учениковъ своихъ, чувствуя, что прощается въ послѣдній разъ — съ тѣми, кого полюбилъ до того, что для спасенія ихъ готовъ былъ пожертвовать своимъ спасеніемъ. Жизнь его отъ нихъ отходитъ. "Нынѣ, говоритъ онъ, азъ, связанъ духомъ, гряду въ Іерусалимъ, яже въ немъ хотящая приключитися мнѣ не вѣдый". Много тяжкаго испыталъ уже онъ въ своемъ служеніи, много узъ и скорбей; но вотъ, — Духъ свидѣтельствуетъ ему, что ждетъ его что-то, еще болѣе тяжкое: — что такое, не знаетъ.

Стоя въ раздумьи, тоскѣ и тревогѣ на новомъ поворотѣ жизни, въ

минуту прощанія съ тѣмъ, къ чему привязалъ свою душу, — и я спрашиваю: куда ты ведешь меня, Боже всевѣдущій! Не знаю, гдѣ моя дорога, что меня ожидаетъ на ней, когда она окончится, — но голосъ духа Твоего говоритъ мнѣ ясно, что новыя узы, новыя скорби ждутъ меня на ней. Сколько разъ еще разобьется сердце, сколько пройдетъ еще огней, покуда загорится все чистымъ огнемъ Твоимъ! Сколько еще переживетъ земныхъ привязанностей, сколько разъ горькимъ опытомъ убѣдится, что всякъ человѣкъ — ложь, и что Ты одинъ — любовь и истина. Когда устанетъ "прелюбодѣйствовать отъ Тебя", когда кончитъ любить для себя и найдетъ въ Тебѣ сокровище любви Божіей и человѣческой, и въ этой любви погаситъ и побѣдитъ всякое желаніе? Гляжу на свою жизнь — и повсюду вижу любовь Твою, и знаю: тѣмъ-ли, другимъ-ли путемъ, она поведетъ меня до конца моей жизни. Знаю — и боюсь — боюсь тоски, боюсь боли, боюсь своего игриваго сердца, боюсь обольщеній земной любви, боюсь, Боже мой, своей слабости и Твоей силы, сокрушающей все нечистое, чтобъ очистилось, все сухое, чтобъ смягчилось и разцвѣло и принесло плодъ. О, когда бы могъ я сказать съ Павломъ: "не тревожусь я ни о чемъ и не дорожу своей жизнью, только бы совершить съ радостью свой путь и служеніе".

Новый годъ.

31 ДЕКАБРЯ.

Въ юности, когда сердце отверсто на весь міръ, когда цвѣтутъ въ душѣ раскрывшіяся силы жизни, — какъ просто кажется — любить Бога и вѣровать въ Него и смотрѣть съ надеждою въ дальніе горизонты жизни! Заботы — такъ легко еще проносятся мимо, и самое горе скоро спадаетъ съ души, какъ одежда, которую усталъ носить. Горькое, жгучее горе палитъ юную душу, но жало его скоро смягчается, потому что въ душѣ цѣла еще *радость бытія,* потому что на ней лежатъ еще дѣвственные покровы, и подъ ними не открылась еще глубокая, таинственная тьма жизни, — тьма, въ которой настоящее, прошедшее и будущее, сливаясь вмѣстѣ, погружаютъ душу въ священный страхъ — *страхъ бытія*!

Настанетъ для вѣрующей души и этотъ день, день борьбы съ таинственною, невѣдомою, но ощущаемою силой, которая преграждаетъ ей путь бытія, и предъ которою человѣкъ безсиленъ. Тутъ смущается воля, закрываются горизонты и мысль теряется въ вопросахъ: что я? кто я? куда я? Таинственное объемлетъ душу, — и благо ей, когда познавъ въ этомъ таинствѣ откровеніе Божіе, она вынесетъ изъ него новую крѣпкую вѣру въ Небеснаго Отца, Бога Промыслителя и Спасителя.

Вспоминается юноша Іаковъ. Онъ взялъ хитростью благословеніе отца своего, и въ страхѣ отъ брата, котораго обидѣлъ, бѣжалъ, изгнанникомъ, въ дальнее странствованіе. И вотъ однажды, когда, остановясь въ Харранѣ, почевалъ онъ на каменомъ изголовьи, явился ему Богъ въ духѣ мира,

прощенія и благословенія. Земля, на которой спалъ онъ, отверстымъ путемъ соединяется съ небомъ: лѣстница стоитъ на землѣ, а верхъ ея касается неба, и Ангелы Божіи сходятъ и восходятъ по ней, и Богъ Авраама и Исаака подтверждаетъ ему завѣтъ милости и благословенія. "Это домъ Божій, это врата небесныя". Всталъ Іаковъ бодрый и пошелъ въ путь свой радуяся. "Господь будетъ со мною".

Прошло слишкомъ двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ. Іаковъ со всѣмъ домомъ и со всѣмъ нажитымъ богатствомъ возвращается, по завѣту Божію, въ землю отцовъ своихъ. Но на пути встрѣчаетъ его страшная вѣсть, что идетъ ему на встрѣчу обиженный мститель за прежнее, братъ его Исавъ. Нѣтъ спасенія. И вотъ, готовясь на гибель, отославъ впередъ себя всѣхъ, кто былъ ему дорогъ, и все свое богатство, Іаковъ остался за рѣкою одинъ, темною ночью. И тутъ, во тьмѣ, услышалъ онъ голосъ и почуялъ присутствіе, и — приблизился къ нему Нѣкто и боролся съ нимъ до появленія зари. — Кто ты? спросилъ Іаковъ, обезсиленный борьбою. — скажи мнѣ имя твое? — На что ты спрашиваешь? сказалъ ему невидимый Борецъ. Имя Мое чудно. Ты боролся съ Богомъ и человѣковъ одолѣвать будешь . . .

Такъ, въ ожиданіи гибели, въ рѣшительную минуту жизни, объятый страхомъ, боролся человѣкъ съ Богомъ и отошелъ радуяся, что сохранилась душа его.

Крещеніе Іоанново.

5 ЯНВАРЯ 1857.

Странная молва разнеслась въ землѣ Іудейской. Стали говорить, что въ пустынѣ Іорданской появился человѣкъ Божій — живетъ уединенно въ подвижничествѣ, отказался отъ всѣхъ сладостей жизни, дому не имѣетъ, одѣтъ въ верблюжью шкуру съ кожнымъ поясомъ, питается тѣмъ, что даетъ ему пустыня, и всѣхъ, кого встрѣчаетъ, зоветъ къ покаянію и погружаетъ въ струяхъ Іорданскихъ, и всѣмъ говоритъ про какого-то новаго Пророка, Который придетъ вслѣдъ за нимъ и будетъ сильнѣе его и принесетъ народу новое крещеніе. Въ эту пору всѣ, у кого въ сердцѣ хранился еще религіозный завѣтъ отцовъ и праотцовъ, и кого волновала народная забота о судьбахъ Израиля — всѣ находились въ какомъ-то смутномъ ожиданіи исполненія пророчествъ и явленія обѣщаннаго Мессіи, всѣ были заняты вопросами: *Кто* Онъ будетъ? *откуда* явится? *гдѣ* Его видѣть? *какъ* Онъ устроитъ дѣло славы и освобожденія? И вотъ, прослышавъ о явленіи Іоанна въ пустынѣ, толпы стали собираться къ нему изъ окрестностей Іордана, со всей Іудеи и изъ Іерусалима: "еда той есть Христосъ?"

Безъ сомнѣнія, массу народа влекло прежде всего любопытство, влекло національное чувство, возбуждавшее новыя надежды, ожиданія и мечты

при всякомъ событіи, въ которомъ думали видѣть признаки явленія Мессіи. Ждали, можетъ быть, услышать таинственныя вѣсти объ Избавителѣ, принять таинственныя распоряженія о томъ, какъ и гдѣ вокругъ Него собраться, чаяли увидѣть зарю народнаго торжества, получить предвѣстіе славнаго народнаго царства . . . Но вмѣсто того встрѣтилъ ихъ суровый подвижникъ, встрѣтилъ строгимъ и пытливымъ взглядомъ, проникающимъ въ душу, встрѣтилъ словомъ о грѣхѣ и покаяніи и — грозною на первый разъ вѣстью о близости не того земного царства, котораго они чаяли, но царствія небеснаго. "Покайтеся! царствіе небесное близко!"

Не то встрѣтили, чего ожидали; но что они увидѣли и услышали, то пало имъ на душу и разбудило въ нихъ духъ. Безъ сомнѣнія, въ числѣ ихъ было много такихъ, что никогда не думали о грѣхѣ, не испытывали сердца своего и о судьбѣ его не предлагали ему вопросовъ: были и люди, давно уже носившіе въ себѣ совѣсть отягченную грѣхомъ, сердце утомленное заботою о путяхъ жизни, умъ возмущенный борьбой между пареніемъ мысли и слабостью воли дѣйствующей. Приходилъ бѣдный народъ — люди, у которыхъ мысль дремлетъ, связанная тяжкими попеченіями о хлѣбѣ насущномъ, сдавленная притѣсненіемъ и униженіемъ; приходили мытари — люди, для которыхъ притѣсненіе народа стало привычкою, дѣломъ жизни и средствомъ для жизни; приходили воины, загрубѣвшіе духомъ и сердцемъ въ дѣлахъ воинскаго служенія, насилія и прибытка.

Но во всѣхъ этихъ людяхъ была искра Божества, была живая душа, способная къ воспріятію мысли и огня, душа желающая и воздыхающая и требующая лучшаго. Многіе изъ нихъ блуждали во тьмѣ и жаждали свѣта и не находили его. У нихъ были писанія пророческія, былъ храмъ со всѣми обрядностями Моисеева законами, съ жертвами о грѣхѣ, съ сонмомъ священниковъ и учителей: но въ этихъ обрядахъ закона и въ его служителяхъ не было уже живаго духа: "на Моисеевѣ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи" — тѣ, что берутъ къ себѣ ключъ разумѣнія — сами не входятъ и желающихъ не пускаютъ; тѣ, что налагаютъ на совѣсть бремена тяжкія и не хотятъ перстомъ своимъ двинуть ихъ: были знатоки закона и писаній — тѣ, что глубокими изысканіями рѣшаютъ вопросы, "гдѣ Христосъ раждается", но родившагося Христа не ощущаютъ и отвергаютъ. Были учители, замкнувшіеся въ мертвой буквѣ закона, но живыхъ учителей не было. Были высокіе проповѣдники, одно говорившіе, а другое дѣлавшіе; отъ того и слово ихъ оставалось словомъ безъ власти и безъ силы, и не поражало душу и не пробуждало сознанія.

Не было учителей въ городахъ и селахъ, посреди дѣйствительной жизни — и вотъ, вдалекѣ отъ мірскихъ дѣлъ, *въ пустынѣ* явился народу человѣкъ, въ которомъ народъ почуялъ живаго учителя. Онъ, незнакомый вовсе съ дѣлами житейскими, изможденный тѣломъ отъ пустынныхъ подви-

говъ, отчужденный вовсе отъ общенія съ людьми, — онъ умѣлъ разбудить сердца и каждому сердцу сказать его печальную исторію и въ каждомъ сердцѣ зажегъ огонь покаянія. Къ нему — къ жителю пустыни —житейскіе люди, отъ своихъ учителей, съ ними живущихъ, обращаются съ вопросомъ: *что намъ дѣлать?* и отъ него принимаютъ наставленья, приличныя каждому званію.

Странное дѣло: человѣкъ мысли, человѣкъ тихаго созерцанія духовнаго — приходитъ и влечетъ къ себѣ несмѣтныя толпы людей, въ мірѣ живущихъ и погруженныхъ въ дѣла мірскія, и приковываетъ ихъ смятенные взоры къ своему взору строгому и суровому, и мысль ихъ — разбѣжавшуюся по міру — къ своему сильному и жесткому слову. И какое слово онъ имъ приноситъ? Не слово о любви и нѣжности, не обѣтованіе мира, не пророчество о блаженствѣ и славѣ, — не то слово, отъ котораго обыкновенно таетъ и умиляется душа, жаждущая блага и счастія, — а горькое страшное слово угрозы, слово "о грядущемъ гнѣвѣ" на сыновъ противленія. Вотъ какое слово Богъ избралъ орудіемъ для того, чтобы потрясти загрубѣвшія души, чтобы уготовить въ нихъ путь Господень и уравнять стезю Его.

Іоаннъ возбудилъ сердца словомъ о грѣхѣ и о законѣ возмездія за грѣхъ, и услышавъ это слово можетъ быть въ первый разъ произнесенное со властію, человѣкомъ, которому дана была власть и сила правды, сердца почуяли въ себѣ грѣхъ и дрогнули и подвинулись. Таковы всѣ мы, дѣти суетнаго міра — и невѣрные и почитающіе себя вѣрными, и холодные дѣятели и горячіе мечтатели, и глубокіе мыслители и разсѣянные искатели наслажденій. Носимъ въ себѣ грѣхъ и не знаемъ, гдѣ сыскать его. Думаемъ, что знаемъ жизнь, а жизнь насъ обходитъ и стоитъ позади насъ, невѣдомая. Воображаемъ, что образъ правды ясенъ и свѣтелъ передъ нами, а съ нами играетъ ложь призраками правды. Наслаждаемся дѣлами рукъ своихъ — и не подозрѣваемъ, что дѣла наши призрачны, какъ страстное желаніе, которое ихъ породило, обманчивы, какъ наслажденіе, котораго мы въ нихъ ищемъ. Мы живемъ и ходимъ надъ бездною — и знаемъ и говоримъ о безднѣ, но тому мѣсту, по которому мы ходимъ, ввѣряемся какъ твердынѣ. Несмысленно тоскуемъ, несмысленно радуемся — и обольщая себя, другихъ обольщаемъ. Жаждемъ исполненія сердечныхъ желаній, — но чего хотимъ, волею того не въ силахъ дѣлать, а дѣлаемъ то, чего не хотимъ. Кто выведетъ насъ изъ этого обмана, кто очиститъ намъ очи и раскроетъ слухъ нашъ и выведетъ насъ на высокое мѣсто и съ вышины покажетъ намъ жизнь нашу и разскажетъ намъ истину о жизни и о сердцѣ, кто сдернетъ могучею рукой обманчивые покровы и сильнымъ словомъ потрясетъ до глубины дремлющую душу! Блаженъ, кто почуялъ надъ собой такую руку, и встрѣтилъ на пути своемъ человѣка съ крѣпкою вѣрою и всевластнымъ словомъ истины. Сурово будетъ это слово, и заслышавъ его, душа затрепещетъ отъ ужаса. Оно покажетъ намъ жизнь, какъ она есть, и въ жизни

раскроетъ неумолимый законъ правды — и когда мы увидимъ лицомъ къ лицу грѣхъ свой и страшную судьбу его, вся душа въ насъ затрепещетъ однимъ чувствомъ: "куда убѣжимъ отъ грядущаго гнѣва?" Увидимъ, какія сѣмена мы посѣяли, и узнаемъ, чего не знали прежде, что каждое сѣмя даетъ свой ростокъ и приноситъ плодъ свой и готовитъ жатву грѣха въ жизни и судьбѣ человѣческой. Любовь управляетъ міромъ, но объ этой любви мы только мечтали въ самоуслажденіи: что будетъ съ нами, когда мы увидимъ, что любовь не уничтожаетъ закона жизни и не отступаетъ ни передъ какимъ страданіемъ человѣческимъ? Ты согрѣшилъ — тебя ждетъ страданіе — этого закона любовь не нарушаетъ, и страстнымъ путемъ проводитъ страстнаго человѣка, — и этого закона не минуетъ ни одна душа человѣческая — ни суровая и жестокая, ни мягкая и нѣжная, цвѣтущая благоволеніемъ человѣческаго сердца. Когда пробуждается въ насъ сознаніе грѣха, мы въ первый разъ чувствуемъ, что такое гнѣвъ грядущій и какъ онъ страшенъ. Божій духъ данъ былъ мнѣ, чистый, со стремленіемъ къ совершенству: я загрязнилъ его чистоту, я исказилъ его высокія стремленія: я загасилъ въ себѣ свѣтъ лучезарный: и все, что совершилъ я и что во мнѣ совершилось — было и есть и стоитъ передо мною — неизгладимымъ, неотразимымъ событіемъ, записаннымъ въ судьбу мою — не вернешь прошедшаго мгновенія, не передѣлаешь зла, которое сдѣлано: оно осталось. Осталась моя обида ближнему, который въ ту минуту прошелъ мимо меня и уже не вернется и эту минуту не принесетъ съ собою; осталось прозвучавшее въ воздухѣ слово соблазна, осталось нечистое движеніе воли и породило множество движеній и словъ и дѣлъ. Все это со мною — а сколько отошло отъ меня и исчезло безъ возврата добрыхъ движеній, не принесшихъ плода! — Они пронеслись, оставивъ слѣдъ лжи въ моей жизни, и эта ложь осталась со мною. О, какая глубокая тоска нападаетъ на проснувшуюся душу, когда открывается передъ нею *свой* грѣхъ, безъ конца и безъ мѣры отражаясь въ ней самой и во множествѣ другихъ душъ, его принявшихъ и къ нему пріобщившихся! И тутъ, когда станетъ передъ человѣкомъ мысль о вѣчности въ которой ничто не пропало и все записано въ судьбу человѣческую — тутъ открывается мѣсто ужасу и стыду и горькому чаянію "грядущаго гнѣва".

Таково "крещеніе Іоанново". Оно потрясаетъ душу сознаніемъ грѣха и чаяніемъ гнѣва грядущаго, и омываетъ ее *водою* покаянія.

Богоявленіе.

6 ЯНВАРЯ 1861.

Кто узритъ лице Господне и живъ будетъ! Въ тотъ день, когда Богъ явилъ славу Свою и далъ услышать гласъ Свой народу Еврейскому на горѣ Синайской, слава Божія явилась въ облакѣ, гласъ Божій слышался изъ

среды огня. Но народъ, внимая заповѣдямъ Божіимъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ, испытывалъ тяжкое чувство ужаса, въ которомъ сладости не было, не было повидимому и любви. Страхъ, одинъ только страхъ овладѣлъ душою слышавшихъ. Оттого, когда явленіе совершилось, народу страшно стало, какъ бы еще не повторилось оно. И вотъ, старѣйшины говорятъ Моисею: мы видѣли, что Богъ можетъ говорить съ человѣкомъ, и человѣкъ можетъ остаться въ живыхъ. Но теперь, для чего намъ подвергаться опасности смерти? Лучше приступи ты, слушай и пересказывай намъ, а если мы еще будемъ слушать, страшный огонь пожжетъ насъ. И Моисей отвѣчалъ имъ: не умрете. Богъ пришелъ испытать васъ и *положитъ на васъ страхъ Свой,* чтобы страхъ удержалъ васъ отъ преступленія заповѣдей. И Богъ страха тогда же подтвердилъ слова Моисеевы. Но тогда же далъ Онъ почувствовать устрашенному народу, что придетъ время иного явленія. "Я воздвигну имъ Пророка изъ среды братьевъ твоихъ, какъ и тебя. Я вложу слова Мои въ уста Его; Онъ будетъ говорить имъ все, что Я повелю Ему".

Но въ Моисеѣ былъ не одинъ страхъ. Ему дано было *дерзновеніе,* въ мѣру ревности Его по Богѣ и вѣрности Богу. И вотъ, насталъ часъ, когда, изливъ Богу пламенную молитву за невѣрный и грѣшный народъ свой, Моисей пришелъ въ крайнюю мѣру дерзновенія. Въ немъ загорѣлось желаніе видѣть ближе страшную славу Божію, не въ образѣ, но въ дѣйствительности. Но Богъ не открылъ Моисею лица Своего. Онъ сказалъ: нельзя человѣку видѣть лице Мое и остаться въ живыхъ. Вотъ, что сотворилъ Онъ съ Моисеемъ. Онъ провелъ передъ нимъ *благость* Свою и провозгласилъ имя Іеговы. Когда приходила слава Божія, Богъ сокрылъ Моисея въ разсѣлинѣ скалы, покрывъ Его рукою Своею, и потомъ показалъ ему Себя сзади, показалъ слѣдъ Своего присутствія; этотъ слѣдъ озарилъ лице Моисея лучезарнымъ сіяніемъ, и на сіяніе это народъ не могъ взирать безъ страха смерти.

Въ другую годину испытаній, къ беззаконнымъ потомкамъ беззаконныхъ отцовъ явился другой пророкъ, мужъ огненнаго духа и слова огненнаго, Илія Ѳесвитянинъ. Велика была ревность его, велико его дерзновеніе. Однажды пришелъ къ нему частъ тяжелаго испытанія. Именемъ Божіимъ сотворилъ онъ великія чудеса предъ беззаконнымъ царемъ и беззаконнымъ народомъ — низвелъ огнь на жертву, низвелъ воду на землю, поразилъ пророковъ Вааловыхъ. Но и чудеса не смягчили ожесточенныхъ. Илія долженъ былъ бѣжать, и уныніе напало на его душу: онъ въ себѣ усумнился. "Господи, говорилъ онъ: пожилъ я; возьми теперь душу мою, потому что я не лучше своихъ отцовъ". Обличенія пророка не подѣйствовали; знаменія не вразумили нечестивыхъ: чего было ждать пророку, развѣ великаго гнѣва, великаго суда, великаго истребленія? И вотъ, Господь, на горѣ Хоривской, вопрошаетъ его: зачѣмъ ты здѣсь, Илія? и велитъ ему выйти и стать на горѣ, и обѣщаетъ ему Свое откровеніе: *"се мимо пойдетъ Господь"*. Зашумѣла буря, трескались горы, разбивались скалы, земля затряслась и

пронесся огонь. Но ни въ бурѣ, ни въ землетрясеніи, ни въ огнѣ, ни въ чемъ страшномъ не открылся Господь. Послѣ бури настала тишина, настало вѣяніе прохлады, и въ этой тишинѣ Богъ открылъ Себя Своему пророку. "И духъ великъ и крѣпокъ разоряяй горы, но не дусѣ Господь. И по дусѣ трусъ, и не въ трусѣ Господь. И по трусѣ огнь, и не во огни Господь. И по огни Господь. И по огни гласъ хлада тонка, *и тамо Господь"*. Господь въ сладкой тишинѣ, Господь въ прохладѣ открывается человѣку! О, какою сладостью вѣетъ на насъ, христіанъ, изъ глубины вѣковъ, отъ этого тихаго явленія Божія: въ немъ душа христіанская видитъ прообразованіе того Божественнаго явленія, въ которомъ человѣкъ на небо взыдетъ и Богъ на землю снидетъ, Богъ станетъ человѣкомъ, и совершенная любовь, по благодати Господней, вонъ изгонитъ страхъ Божія присутствія.

"Слово плоть бысть и вселися въ ны *и видѣхомъ славу Его,* славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины". Пришло положенное время, и въ тихомъ вѣяніи прохлады явился міру Единородный Сынъ Божій, въ плоти и крови человѣческой, повитымъ младенцемъ въ ясляхъ, на рукахъ матери, — дѣвы отъ рода человѣческаго, явился безгрѣшный и сталъ подъ законъ, данный ради грѣха, среди плачущихъ младенцевъ, среди ликующихъ грѣшниковъ, среди трудовъ, болѣзней и бѣдствій беззаконнаго человѣчества. Богъ сошелъ на землю и не слышно трубнаго звука, не видно страшной славы Божіей, нѣтъ бури и землетрясенія. Онъ идетъ по землѣ, кроткій и милостивый, благословляетъ грѣшную землю, съ грѣшниками ястъ и піетъ: не преречетъ, ниже возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіи гласа Его! Трости сокрушенны не преломитъ и лена внемшася не угаситъ. Духъ Господень на Немъ и помазалъ Его "благовѣстити нищимъ, послалъ Его исцѣлить сокрушенныя сердцемъ, проповѣдать плѣненнымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе, отпустить сокрушенныя въ отраду, проповѣдать лѣто Господне пріятно".

Се Агнецъ Божій.

6 января 1857 г.

Въ извѣстномъ псалмѣ пророкъ изображаетъ себя благословеннымъ агнцемъ Божіимъ. "Господь пасетъ мя и ничтоже мя лишитъ." Агнецъ Божій спокоенъ и безопасенъ подъ рукою пастыря, не знаетъ ни одной заботы, въ сознаніи покровительства Божія, и въ этомъ чувствѣ безопасности находитъ возможность вкушать въ полнотѣ и въ простотѣ всѣ простыя блага жизни: "на мѣстѣ злачнѣ тамо всели мя, на водѣ покойнѣ воспита мя". Это описаніе представляетъ намъ навсегда самую полную картину счастья, какую только можно представить. Въ ней узнаемъ мы то именно

состояніе духа, къ которому всѣ стремимся, о которомъ всѣ воздыхаемъ, котораго всѣ ищемъ напрасно и, не находя его, считаемъ жизнь свою неудавшеюся: это *небо* наше, о которомъ мы мечтаемъ, ходя на земли: небо, которое вездѣ возможно для насъ и ни съ какимъ мѣстомъ, ни съ какимъ положеніемъ не связано, лишь бы мы только умѣли найти его. — Оно повсюду — но когда спросимъ себя — гдѣ оно? не знаемъ отвѣта, потому что никто самъ по себѣ не знаетъ, гдѣ найти его — развѣ тѣ немногіе, *имъ же дано есть*. Вотъ царство, котораго образъ провидѣлъ пророкъ и царь земной въ своемъ вдохновенномъ гимнѣ, и если найдется на земли двое или трое счастливыхъ, которымъ это царство досталось, — они одни достойны названія побѣдителей жизни, царей вселенныя, которымъ царство досталось безъ крови, безъ борьбы, безъ враговъ и побѣжденныхъ, безъ пятна и безъ раздробленія, цѣлое, полное, чистое, святое царство. Гдѣ бы ни былъ, гдѣ бы ни жилъ такой человѣкъ, въ бѣдной хижинѣ, въ кельѣ монастырской, или посреди шума рыночнаго — онъ вездѣ царь, потому что просто сердце его, ничѣмъ онъ не связанъ, повсюду свободенъ, вездѣ ясно око его, и онъ побѣдитель повсюду.

Прежде чѣмъ Іисусъ Христосъ явился міру агнцемъ Божіимъ въ смыслѣ таинственной жертвы за грѣхи міра, онъ является на берегахъ Іордана тѣмъ агнцемъ Божіимъ, котораго изображаетъ псаломъ. Вышелъ онъ изъ скромнаго жилища во всей простотѣ и кротости духа Божія, во всей полнотѣ благодатнаго дара Господня, въ сіяніи мира, который на немъ почиваетъ по слову пророческому. Въ этомъ смыслѣ — невыразимымъ миромъ исполнена вся картина таинственной ночи Его рожденія: въ этомъ смыслѣ сіяетъ миромъ вдохновенное описаніе Мессіи у Исаіи пророка: "отрокъ Мой, возлюбленный Мой, на Немъ почіетъ Духъ Мой — трости сокрушенной Онъ не преломитъ и тлѣющаго льна не угаситъ. Ему при самомъ рожденіи дана всякая красота и всякая побѣда, всякое богатство. — Его судьба, Его призваніе — принесть миръ на землю, примирить Бога съ человѣкомъ, разрушить средостѣніе вражды между небомъ и землею, — и вотъ Онъ является сыномъ мира, въ простотѣ Божіей, во всемъ обиліи внутренняго мира; Онъ несетъ съ собою царствіе Божіе, и это царствіе — внутри Его.

Такимъ-то является Христосъ Спаситель на берега Іордана. Агнца Божія встрѣчаетъ человѣкъ крѣпкой борьбы, съ самаго рожденія поставленный на дѣло борьбы и подвиговъ. Это не агнецъ Божій въ томъ смыслѣ, въ какомъ изображаетъ агнца псаломъ. Мира нѣтъ въ душѣ у него. Истина возбудила въ душѣ его сознаніе силы и стремленіе къ дѣятельности; истина вывела его изъ города и села въ пустыню, сначала на крѣпкую борьбу съ самимъ собой, съ своими желаньями и мыслями и страстями: истина утвердила мысль его, и во имя истины созываетъ онъ около себя огненнымъ, суровымъ своимъ словомъ толпы народныя, пробуждая ихъ къ новой жизни, къ ощущенію новаго духа, котораго вѣяніе онъ прежде всѣхъ

почуялъ. Онъ зоветъ къ нимъ: очиститесь! покайтесь! приближается царствіе небесное.

И вотъ — оно приблизилось, — новое, неслыханное царство, которое издалека почуялъ Илія, когда Богъ открылся ему, мимо грома и бури, въ тихомъ вѣяніи. Агнецъ Божій появился на берегахъ Іордана. И суровый пророкъ, мужъ силы и борьбы, вскормленный пустынею и подвигомъ, послѣ многихъ годовъ брани не познавшій еще мира, видитъ передъ собою Того, Кто явился сыномъ мира и агнцемъ Божіимъ при самомъ рожденіи: — узнаетъ и преклоняется предъ Тѣмъ, въ Комъ признаетъ высшую силу, совершенство и полноту, преклоняется предъ Тѣмъ, въ Комъ не было еще внутренняго раздвоенія и смущенія вѣры, въ Комъ глубокія и тяжкія думы не поднимали еще бури и волненія. Онъ видитъ на Христѣ Спасителѣ нравственную печать мира и преклоняется предъ Его величіемъ. Изъ глубины сердца, увидѣвшаго внѣ себя живой образъ того примиренія и единства, котораго напрасно въ себѣ отыскивало, долженъ былъ Іоаннъ воскликнуть при видѣ Христа: "Се Агнецъ Божій".

Покаяніе.

О Боже, Всевышній, Единый, Преславный!
Господь Вседержитель, Небесный Отецъ!
Доколѣ весь русскій народъ православный
Нести будетъ страшный терновый вѣнецъ?
Въ безуміи онъ согрѣшилъ передъ Тобою,
Онъ братскою кровью Отчизну залилъ,
Играя своею и русской судьбою,
Царя неповиннаго звѣрски убилъ...
Но онъ не омылъ ли грѣхи своей кровью?
Онъ душу очистилъ потоками слезъ.
Онъ каторгу, пытки съ любовью сыновней
Къ Тебѣ въ покаяньи, о Боже, принесъ...
Идетъ онъ къ Тебѣ, онъ Тебя призываетъ
Онъ славитъ Тебя, онъ въ Тебѣ видитъ свѣтъ,
Онъ нынѣ подъ милость Твою прибѣгаетъ,
Онъ молитъ — избавить его отъ всѣхъ бѣдъ.
О Боже — воззри на народъ Твой несчастный!
Грѣхи, совершенные имъ, отпусти!
Твоимъ хочетъ быть онъ и въ вѣкъ сей ужасный:
Прими покаянье его — и прости!

Г. Г. КИШКИНЪ.

Конокрады.

(Рождественская быль 1897 года).

То было 60 лѣтъ тому назадъ. Мы — ученики Духовнаго училища въ Жировицахъ — уже отъ Покрова съ нетерпѣніемъ ждали Рождественскихъ Праздниковъ. Маленькое мѣстечко Жировицы, Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи, въ которомъ находилось наше Духовное училище, расположено въ живописной мѣстности среди древнихъ лѣсовъ, гдѣ и былъ обрѣтенъ въ 1470 году во владѣніяхъ Александра Солтана Чудотворный Образъ Божіей Матери, ставшій съ того времени мѣстной Святыней, привлекавшей вѣрующихъ изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Западнаго Края. День явленія Божіей Матери въ Ея честномъ Образѣ приходился на 7-мое мая, но храмовымъ праздникомъ монастыря, основаннаго на мѣстѣ обрѣтенія Образа, было 1-го октября въ честь Покрова Пресвятой Богородицы. Къ этому дню стекалось множество богомольцевъ. Ученики съ огромнымъ интересомъ ждали этого дня — это было религіознымъ подъемомъ и для ихъ чистыхъ дѣтскихъ душъ, оставляя неизгладимый слѣдъ на всю жизнь, что приходилось слышать и отъ своихъ отцовъ.

Отъ праздника Покрова дни шли уже по другой колеѣ. Ученики начинали думать о Рождественскихъ Святкахъ — кто съ кѣмъ ѣдетъ къ желѣзнодорожной станціи и кто кого везетъ — Кулакъ-ли, Ремейко-ли, Недбайликъ или Дегтярь, сколько надо денегъ, чтобы «вскладчину» купить у Зиминской булокъ и другого съѣстного, вродѣ копченыхъ селедокъ, шпротъ и прочее. Филипповъ постъ строго соблюдался, и думать о скоромномъ не приходилось. Все это заранѣе учитывалось и разчитывалось. А когда на всенощной праздника Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы впервые нашъ ученическій хоръ радостно и громогласно пѣлъ «Христосъ рождается» — тутъ все становилось второстепеннымъ.Снѣгъ, ледяная горка, коньки, снѣжки — уступали мѣсто ожиданію отъѣзда на Праздники. Школьный холодъ въ корридорахъ и спальной и часто пустой желудокъ — не чувствовались вовсе. Легче получались двойки. «Тихіе успѣхи и громкое поведеніе» становилась для дѣтворы постояннымъ явленіемъ, съ чѣмъ часто мирились, какъ педагоги, такъ и домашніе — въ доброй надеждѣ, что къ концу года малышъ все наверстаетъ, въ этой тоскѣ по дому усматривая причину неуспѣшности мальчиковъ. Идутъ письма домой, вродѣ: «Дорогіе Родители, скоро у насъ всѣ разъѣдутся и я «разъѣдусь», а потому пришлите лошадей къ поѣзду» и т. д. Но, вотъ, томительное ожиданіе оканчивается, наступаетъ роспускъ. Мы получаемъ билеты съ отмѣтками, тащимъ вещи на ожидающія насъ сани или повозки и уѣзжаемъ домой. Какое счастье! Самый путь для насъ, послѣ долгаго сидѣнія въ училищѣ, былъ интереснымъ и не короткимъ: однимъ къ желѣзнодорожной станціи г. Слонима — 10 верстъ, а другимъ къ станціи «Доманово» — 25 верстъ, и сюда ѣхала большая часть учениковъ, въ томъ числѣ и я. Старшіе ѣхали отдѣльно — по 3-4 человѣка на подводѣ, а малыши, такъ называемые «парвузы» (по латыни *parvus* — малый) на другихъ подводахъ — по 5-6 человѣкъ. Въ этотъ моментъ все забы-

валось — и успѣхи и поведеніе и самое начальство; все это было — позади, далеко, а близкимъ былъ родной домъ, гдѣ насъ ждутъ.

Выѣхавъ послѣ обѣда, часамъ къ 2-3 подъѣзжаемъ къ такъ называемой «Миронимской» горкѣ. Съ нея былъ крутой спускъ. Возницы, всегда слѣзая, еле удерживали повозку или сани, сами скользя на каблукахъ съ осѣдавшими на заднія ноги лошадьми. Обычно ѣхали поочередно, чтобы не разбить другихъ. Иногда ученики тоже слѣзали. Но кому не хотѣлось показать себя смѣльчакомъ? Поэтому, зажмуривъ глаза, почти всѣ, съежившись, высиживали. Порою возницы, какъ тормазъ, въ колеса вставляли изъ забора вынутый колъ. Обычно, все оканчивалось благополучно, но бывали и трагическіе случаи. А потому, когда издали показывался Миронимъ съ его красивой на горѣ каменной церковью: у всѣхъ замирало сердце. Легкій вздохъ раздавался, когда Миронимъ оставался позади. Къ вечеру подъѣзжали къ большому мѣстечку «Бытынь» и тамъ, вслѣдствіе холода, просиживали до поздней ночи, чтобы сразу попасть къ поѣзду на отстоящей въ 6 верстахъ станціи «Доманово». Замороженный инеемъ, пыхтя, съ занесенными снѣгомъ вагонами, медленно подходилъ поѣздъ Московско-Брестской жел. дороги и развозилъ насъ по нашимъ отцовскимъ угламъ.

На радости встрѣчи съ родными не приходится останавливаться. Каждый былъ малымъ и знаетъ, что значатъ эти встрѣчи и каковыми онѣ бываютъ. Скажу только, что на первой же Рождественской встрѣчѣ всѣ домашніе сразу-же находили, что я выросъ, возмужалъ, сталъ «взрослымъ», разсказываю серьезно и проч.. а для меня послѣ большихъ каменныхъ школьныхъ зданій нашъ сельскій деревянный, весьма просторный, церковный домъ изъ прекраснаго Бѣловѣжскаго дерева сталъ маленькимъ, тѣснымъ, убогимъ, и всѣ въ немъ были не такіе важные, какъ мои учителя. Тѣмъ не менѣе, весь первый день до поздней ночи прошелъ въ дѣтскомъ упоеніи дѣдовскимъ домомъ и близостью съ родными. Глядя на ихъ довольныя лица, мнѣ казалось, что я уже, дѣйствительно «большой». Однако, когда на слѣдующій день отецъ поинтересовался моими отмѣтками въ билетѣ и увидѣлъ двойку по латыни за послѣднюю четверть и четверку по поведенію, доброе лицо его омрачилось. Всѣ домашніе были очень огорчены. Мама замѣтно страдала. Напрасно я доказывалъ, что двойка — чистая случайность, а четверка — за невыдачу виновнаго за разбитое въ классѣ стекло, что и было въ дѣйствительности. Надо сказать, что обнаружить начальству «виновныхъ», а тѣмъ болѣе «выдать» или «донести» считалось неизгладимымъ позоромъ, «лечь-же костьми за други своя» было похвальнымъ поступкомъ. Справедливо огорченный отецъ сказалъ, чтобы я немедленно сѣлъ за латынь и началъ повторять грамматику — чтобы двоекъ больше не было. Услышавъ такое распоряженіе, моя всегдашняя защитница, старушка няня Софія, родомъ изъ сосѣдней деревни, доживавшая свой вѣкъ въ нашемъ домѣ, пришла въ неописуемое горе. Она безудержно плакала, говоря, что я и тамъ учился издѣсь учусь а что изъ этого выйдетъ — она не знаетъ. Въ концѣ концовъ она сѣла возлѣ меня у печки и начала заглядывать въ учебникъ. Когда же я, закрывъ глаза, сталъ спрягать глаголъ "*laudo*"

(хвалю), она не выдержала и сказала, что такого слова у насъ въ селѣ не услышишь и что меня совсѣмъ напрасно заставляютъ учить такую науку, а теперь надо читать только Евангеліе о Рождествѣ Христовомъ. Очень скоро отецъ повѣрилъ, что двойка по латыни — случайность и что четверка по поведенію получена мной за други своя . . . И я, сталъ черезъ нѣсколько часовъ свободнымъ гражданиномъ въ домѣ, запрятавъ далеко учебникъ. Дни пошли, какъ слѣдуетъ, но все-же билетъ съ отмѣтками всѣхъ въ домѣ сильно разстроилъ. Когда я это теперь вспоминаю, мнѣ становится досадно на себя за «тихіе успѣхи и громкое поведеніе», и счастливъ, что подобное потомъ не повторилось, и старики мои дожили до окончанія мной не только Духовной Семинаріи, но и Университета.

Сухіе морозы предъ самымъ Рождествомъ уступили мѣсто оттепели. Небо потемнѣло, пошелъ сильный снѣгъ. Къ Сочельнику установилась прекрасная санная дорога. Всѣ обрадовались, говоря, что всѣ три дня Рождественскихъ Праздниковъ будетъ много народу въ церкви и Святки пройдутъ веселѣе, а подъ Крещенскіе морозы можно будетъ навезти березовыхъ дровъ изъ отдаленныхъ лѣсовъ. Ночь наканунѣ Рождества выдалась звѣздной, и это еще болѣе обрадовало всѣхъ, ибо Рождество безъ снѣга и звѣздъ — не мыслимо, да и Виѳлеемская Звѣзда должна явиться. Отецъ, весь Филипповъ постъ готовившійся къ Рождеству, какъ въ церкви, на приходѣ, такъ и дома, заранѣе озаботился, чтобы у насъ на хозяйственномъ дворѣ было достаточно мѣста для болѣе отдаленныхъ прихожанъ, прибывавшихъ съ вечера, тогда какъ ближайшіе ставили лошадей съ санями или повозками непосредственно за оградой церкви, часто даже ихъ не отпрягая. Я уже зналъ по прошлому, кто у насъ на дворѣ останавливается. Непремѣнно пріѣдетъ Даніилъ Соколачко съ семьей, — онъ въ этомъ году богомольцемъ былъ на Покровъ въ Жировицахъ и приносилъ мнѣ домашнія яблоки въ Училище. У Даніила была хорошая лошадь, и онъ ее очень любилъ. Семья у него была большая — нѣсколько сыновей, изъ которыхъ старшій былъ женатъ и жилъ при отцѣ: были и дочери — замужнія и незамужнія. Пріѣзжая съ вечера, Даніилъ всегда заходилъ на минутку поздороваться, потомъ уходилъ въ церковь тамъ ждалъ съ семьей Богослуженія и только съ разсвѣтомъ, по окончаніи службы, забѣгалъ поздравить съ Праздникомъ, спѣша домой. Максимъ Конопко, бывшій въ томъ же году также въ Жировицахъ, приходилъ обычно еще съ утра. Онъ въ церковь шелъ пѣшкомъ 7 верстъ, также и обратно, хотя лошадь у него была прекрасная. Считалъ онъ неприличнымъ въ церковь ѣхать — такъ онъ обошелъ всѣ Святыя мѣста, побывавъ и въ Іерусалимѣ. Это былъ особый человѣкъ — въ полномъ смыслѣ Божій. Когда уходилъ изъ дому, никому не говорилъ, куда идетъ, и никто не безпокоился и немъ. Возвратясь, разсказывалъ, гдѣ былъ. Всѣ его знали широко, и поэтому онъ уходилъ изъ дому безъ хлѣба. По дорогѣ — работалъ. Такъ вотъ,Даніилъ поставивъ лошадь у насъ подъ навѣсомъ, только сказалъ намъ, что вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и его сосѣдъ Кузьмукъ и что ихъ сани стоятъ рядомъ. Я не спалъ, пробывъ цѣлую ночь въ церкви, какъ и всѣ. Придя по окончаніи Богослуженія, мы въ домѣ начали ожидать отца. Столъ былъ накрытъ — отъ Сочельника лежало сѣно подъ скатертью. Елочка стояла въ углу. У всѣхъ лица были праздничныя. Предполагали, что кто нибудь

зайдетъ поздравить, хотя обычно всѣ у насъ собирались на второй день послѣ Богослуженія — къ обѣду. Было еще темно, и свѣтъ лампадокъ у иконъ торжественно освѣщалъ домъ, своимъ мерцаніемъ создавая какую-то таинственность — во всемъ чувствовалась Великая Рождественская Ночь. Казалось — мы у Виѳлеемскихъ яслей, и пастухи и Волхвы съ нами. Дѣтское воображеніе рисовало Божественнаго Младенца и Его Матерь — возлѣ насъ. Непередаваемая земная радость и душевное спокойствіе были на лицахъ у всѣхъ . . . «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ» — звучало въ ушахъ отъ ангельскаго славословія. Ничто, ничто не можетъ нарушить этой тишины — «въ человѣцѣхъ благоволенія!» . . . Какъ бы въ отвѣтъ послышался легкій скрипъ полозьевъ — со двора начали разъѣзжаться . . .

Вдругъ со стороны кухни раздался громкій голосъ Даніила. Онъ былъ взволнованъ. Мы бросились туда. Оказалось, что у Даніила украли лошадь, а у Кузьмука — лошадь и сани. Случай — неизвѣстный доселѣ у насъ, да еще въ Рождественскую Святую Ночь! Весь домъ пришелъ въ волненіе. Собаки не лаяли, а ихъ было нѣсколько. Правда, мы были въ церкви — тутъ же вблизи, но въ теплой, кухонной части дома были вѣдь женщины — прихожанки съ дѣтьми. Была и прислуга, а къ лошадямъ приходили покормить ихъ хозяева. Какъ же это случилось? Да и ворота закрыты. Тѣмъ не менѣе — 2-хъ лошадей и однихъ саней не стало . . . Въ это время пришелъ изъ церкви отецъ съ діакономъ, псаломщикомъ и церковнымъ старостой. Всѣ были страшно поражены. Жаль было Даніила и Кузьмука и обидно за Праздникъ. Что дѣлать? Это рѣшилъ Даніилъ. «Кузьмукъ, а Кузьмукъ», сказалъ онъ молча стоявшему возлѣ него сосѣду по деревнѣ. «Иду искать пропажу». «Да куда ты, Данило, пойдешь? Вѣдь еще по настоящему не разсвѣло, да и слѣды затерты санями и пѣшеходами — всѣ изъ церкви уже поѣхали домой», мрачно отвѣтилъ на это Кузьмукъ. «Ничего», продолжалъ Даніилъ. «Буду искать, а ты съ моими добирайся въ деревню». «Хорошо, только берегись, ты уже не молодой», предостерегъ Кузьмукъ. «Ничего, ничего . . . Какъ нибудь, а кобылицы такой другой имѣть не будемъ, да и твоя лошадь не плоха». Съ этими словами Даніилъ вышелъ изъ дома. Слѣдомъ пошелъ Кузьмукъ, а за ними и мы всѣ, наскоро набросивъ на себя теплую одежду. Даніилъ уходилъ въ еще темную ночь. «Возьми хлѣба», крикнулъ кто-то вслѣдъ. «Колбасы, сала дадимъ на дорогу», сказали изъ нашего дома. Но Даніилъ никого не слушалъ . . . Только пріостановился, снялъ черную баранью шапку, набожно перекрестился на церковь, крѣпко стянулъ цвѣтный шерстяной поясъ на сѣрой полѣсской свитѣ на бараньемъ кожухѣ и, громко сказавъ: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ», медленно сталъ удаляться въ темноту. Я заплакалъ — мнѣ было очень жаль Даніила.

Весь день всѣ были, какъ не свои. Никто ничего не говорилъ всѣ молчали. Изрѣдка кто, какъ бы нехотя, про себя скажетъ: гдѣ можетъ быть сейчасъ Даніилъ и что съ нимъ? Несмотря на усталость безсонной Рождественской ночи, никто не думалъ объ отдыхѣ, никто не собирался никуда идти — всѣ ждали чего-то, вѣрнѣе — самого Даніила. Послѣ Вечерни отецъ отслужилъ

молебенъ о небесной помощи Даніилу. Такъ прошелъ день. Настроеніе ухудшалось тѣмъ что воры были не случайные — для того, чтобы учинить кражу, они разобрали стѣнку навѣса и, очутившись съ добычей внѣ хозяйственнаго двора, опять заложили ее, такимъ образомъ не поднявъ тревоги.

Поздно вечеромъ, громко залаяли въ темнотѣ собаки. Кто былъ ближе — бросился къ выходнымъ кухоннымъ дверямъ. Послышался скрипъ саней. На дворъ кто-то въѣхалъ. Собакамъ кто-то отозвался, и онѣ перестали лаять. Въ такой поздній часъ мы уже никого не ожидали, кромѣ Даніила. Тутъ же раздался его голосъ. Не успѣли мы одѣться, чтобы выйти къ нему на встрѣчу, какъ въ распахнутую дверь, вмѣстѣ съ морознымъ паромъ вошелъ весь заиндвѣвшій Даніилъ. Вошелъ — и сѣлъ на скамью въ прихожей, еле переводя духъ. Никто не рѣшался задавать ему вопросы. Онъ только промолвилъ: «Тамъ кони». Нашъ кучеръ Илія быстро вышелъ. Было слышно, какъ онъ отводитъ лошадей къ конюшнѣ. Даніилъ, сбросивъ съ себя свиту и кожухъ, пытался было начать разсказывать, но ему не дали говорить, пока онъ не отдохнетъ. Приготовили горячій ужинъ съ рождественской колбасой и чай. Черезъ нѣкоторое время вернулся Илія. Глядя на Даніила, онъ только началъ головой. А потомъ снова ушелъ къ лошадямъ. Когда онъ вернулся, Даніилъ веселымъ голосомъ, весь оживший, началъ разсказывать. Я до сихъ поръ представляю его лицо, слышу его рѣчь.

«Когда я вышелъ», началъ Даніилъ, «было еще темно. Куда идти? Слышно было, какъ уѣзжаютъ люди послѣ Богослуженія. Ѣхали, конечно, въ разныя стороны. Рѣшивъ, что воры направились къ большой дорогѣ, къ Московско-Брестскому шоссе, переѣхавъ возлѣ церкви черезъ замерзшую рѣку, я направился туда. Мнѣ попались сани съ уѣзжавшими изъ церкви людьми, и я съ ними, переѣхавъ черезъ рѣку, направился къ шоссе. Черезъ нѣсколько минутъ быстрой ѣзды, мы уже были на гладкой шоссейной дорогѣ. Тутъ мнѣнія раздѣлились — въ какую сторону могли уѣхать воры, если только они переѣхали рѣку. Эти люди живутъ при шоссе, и я остался одинъ на большой дорогѣ. Подумавъ немного, я пошелъ къ нашему городу К., въ сторону, противоположную границѣ, куда обычно направляются конокрады. Въ разсвѣтѣ ничего на шоссе нельзя было различить — шоссе было выѣзжено, и слѣдовъ было много. У меня была мысль, что воры будутъ обманывать и повернутъ на боковую дорогу. Черезъ полъ версты ходьбы по шоссе, я увидѣлъ на съѣздѣ съ шоссе свѣжій санный слѣдъ съ пристяжной лошадью по направленію въ глухія лѣсистыя болотныя мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это кратчайшій путь къ границѣ. Въ запряженной лошади по подковамъ копытъ я узналъ свою, въ боковой пристяжной — Кузьмука. Но воры ѣхали быстро, я же — шелъ пѣшкомъ. Не теряя времени и не зная, куда направятся воры дальше, я быстро пошелъ къ городу. Черезъ часъ я былъ тамъ. Взявъ у еврея лошадь, я верхомъ поѣхалъ по другому шоссе навстрѣчу ворамъ, считая, что они должны или выѣхать на него, или остановиться гдѣ-нибудь въ пути, не доѣзжая шоссе — въ открытыхъ мѣстахъ. Черезъ часъ я уже на перекресткѣ у деревушки П. и тутъ увидѣлъ вышедшій на шоссе тотъ-же слѣдъ саней и лошадей. Начинались мѣста глухія. По обѣимъ сторонамъ шоссе густой лѣсъ и болото. Нѣтъ деревень. Я —

одинъ, а лошадь еврея слаба. Началъ нагонять воровъ. На 28 верстѣ отъ города — большое село Ч. Тамъ кормча. Мѣняю у еврея лошадь. Эта — лучше. Уже скачу. Лошадь становится въ мылѣ. Прогнавъ такъ верстъ 20 съ легкими передышками, издали замѣтилъ на шоссе движующуюся точку, а затѣмъ и пристяжную лошадь. То были воры. Гоню лошадь, а воры удаляются. Видимо, замѣтили меня. Выбиваясь изъ силъ еле сижу. Да и лошадь устала — конекъ молодой непривычный къ гонкѣ. Вдругъ, вижу, какъ два человѣка, сидѣвшихъ въ саняхъ, все чаще оглядываются. Замедляютъ ѣзду. Черезъ нѣсколько минутъ съѣзжаютъ въ лѣсъ. Тутъ я струсилъ. Я одинъ на загнанной лошади, и ихъ — двое. Подумалъ о Рождествѣ и набрался силъ. Вижу по ходу лошадей, что воры ѣдутъ медленно. Стало еще страшнѣе. Остановился, передохнулъ, осмотрѣлся. Слышу ѣдущихъ впереди по узкой лѣсной тропинкѣ и соображаю, что воры знакомы съ мѣстностью. Это еще хуже. Ѣду медленно. Тропинка, изгибаясь, дѣлаетъ повороты и можетъ стать западней. Меня осѣнила мысль — набраться храбрости и погнаться за ворами съ крикомъ на весь лѣсъ. Перекрестился, и какъ крикну во все горло — «Кузьмукъ, Степанъ, Иванъ, скорѣе сюда, справа, догоняй, вотъ они!» . . . Самъ сталъ не свой. Только гулъ пошелъ по лѣсу . . . Слышу — воры гонятъ лошадей — уходятъ. Я за ними, они — дальше. Остановился, прислушался — тихо. Ѣду дальше. Зову Кузьмука и въ два голоса разговариваю самъ съ собой. Вдругъ, вижу — на открытой полянѣ стоятъ сани съ припряженной лошадью Кузьмука. Моей — нѣтъ. Увели въ лѣсъ — въ гущу. Вотъ, слѣды двухъ людей и лошади. Опять кричу — «Степанъ, Иванъ» и ѣду. Рѣшилъ, что тутъ мнѣ и конецъ . . . Стало тихо. Вдругъ, вижу: одинъ людской слѣдъ пошелъ въ одну сторону, а другой съ лошадью — въ другую. Я за нимъ, а самъ — крещусь и запѣлъ «Рождество Твое, Христе Боже нашъ!» Въѣхалъ въ густой ельникъ. Крикнулъ и — вдругъ моя лошадь вблизи отозвалась. Привязалъ своего коня и иду, а она стоитъ привязанной въ ельникѣ. Разговаривая, отвязываю, веду къ своему коню, сажусь на нее и быстро отъѣзжаю. Подъѣхавъ къ санямъ, запрягаю свою, такъ какъ она была съ хомутомъ, и дуга валялась при саняхъ, и начинаю выѣзжать изъ лѣса по той же тропинкѣ. А самъ думаю: тутъ то они меня и схватятъ! Добрался къ шоссе, перекрестился и давай «утекать» съ тремя лошадьми; ѣду и кричу. Проѣхавъ немного, замолчалъ и погналъ лошадей быстрѣе. Добравшись въ Ч., возвратилъ корчмарю-еврею его лошадь, взялъ прежнюю и подъ вечеръ на тройкѣ въѣхалъ въ городъ, гдѣ и отдалъ ее еврею, у котораго взялъ и, вотъ, на двухъ своихъ пріѣхалъ».

Всѣ мы въ большомъ напряженіи слушали этотъ разсказъ. Даніилъ такъ воодушевился, что его голосъ слышенъ былъ по всему дому. Онъ, какъ бы забывъ, что все уже позади, кричалъ, какъ въ лѣсу. Отдохнувъ, онъ на подкормленныхъ лошадяхъ, почти на разсвѣтѣ, уѣхалъ домой. На третій день Праздника съ Кузьмукомъ цѣлыми семьями были они въ церкви и опять зашли къ намъ. И опять повторился этотъ страшный разсказъ. На меня онъ произвелъ сильное впечатлѣніе, и я до сихъ поръ его помню. Даніилъ говорилъ, что пѣніе тропаря «Рождество Твое, Христе Боже нашъ» испугало и посрамило

воровъ, и только потому они отдали ему лошадей и его оставили живымъ. Такъ думали всѣ мы и всѣ наши прихожане.

Пріѣхавъ въ Училище послѣ Рождественскихъ Святокъ, я разсказывалъ ученикамъ объ этой кражѣ лошадей въ Рождественскую ночь, и мой разсказъ объ извѣстномъ всему училищу богомольцѣ Даніилѣ такъ понравился всѣмъ, что слушавшіе не разъ просили меня его повторить, одушевлялся и я, крича какъ Даніилъ, на воровъ — въ глухомъ Полѣсскомъ лѣсу. Этотъ случай сталъ даже извѣстенъ нашему училищному персоналу, и, однажды, войдя въ спальную во время моего разсказа, его съ интересомъ прослушалъ самъ Инспекторъ Училища, строгій Аркадій Александровичъ Балландовичъ. У насъ, дѣтей, сложилось опредѣленное сужденіе, что кража лошадей не имѣла успѣха только потому, что была Святая Рождественская Ночь: у воровъ, при пѣніи Даніиломъ тропаря Рождеству, совѣсть заговорила . . .

Мой разсказъ долженъ быть дополненъ разъясненіемъ, что конокрадство въ Западномъ Краѣ предъ 1-ой Міровой войной приняло очень широкіе размѣры, вызвавшіе введеніе спеціальнаго Закона о конокрадахъ, каравшаго виновныхъ каторжными работами до 5 лѣтъ. Готовившаяся къ войнѣ Германія очень нуждалась въ лошадяхъ, и краденыя лошади шли къ ней — за границу.

А. П. Михаловскій.
30. XI. 1957.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Житіе Св. Саввы, Архіепископа Сербскаго.

14 января.

Святой Савва, первый архіепископъ сербскій, просвѣтитель и чудотворецъ, былъ сынъ великаго князя Стефана Немани. При святомъ крещеніи былъ названъ Растко въ знакъ того, чтобы онъ росъ на славу Божію. Ребенкомъ онъ былъ очень разумнымъ, душою свѣтелъ и лицомъ красивъ. Всѣ его очень любили за кроткій, миролюбивый нравъ, и особенно его родители, богобоязненные, благочестивые супруги Стефанъ и Анна. Его прежде всего обучили священному писанію, которое доставляло отроку большую радость. Растко съ дѣтства полюбилъ церковь. 18-ти лѣтъ тайно съ аѳонскими иноками убѣжалъ на святую гору Аѳонъ, въ русскій монастырь св. Пантелеимона. Юноша былъ тамъ постриженъ съ именемъ Саввы. Онъ старательно сталъ работать для Господа и иноки удивлялись его высокой, подвижнической жизни. Неманья послѣдовалъ примѣру своего сына и самъ пришелъ на св. Гору, принялъ чинъ иноческій. Вмѣстѣ съ отцемъ Савва обновилъ запустѣвшій монастырь Хилендаръ на св. Горѣ, и многіе иноки-сербы спасались въ немъ. Неманья, въ постригѣ Симеонъ, ревностно трудился во славу Божію и для спасенія своей души и, просіявши святою жизнью, отошелъ въ небесное царство. Мощи его стали источать многоцѣлебное мѵро.

Св. Савва по волѣ Божіей былъ поставленъ архіепископомъ Сербской церкви. Трудами св. Саввы процвѣтала вѣра православная

въ Сербіи. Много поработалъ Святитель для просвѣщенія своего народа. И народъ сербскій полюбилъ своего великаго учителя, молитвенника и миротворца. И не только сербы, но и все балканскіе народы уважали и почитали св. Савву.

Св. архіепископъ два раза ѣздилъ поклониться Гробу Господню въ Святую Землю. Возвращаясь изъ Іерусалима черезъ Константинополь заѣхалъ онъ къ царю Асѣну болгарскому, своему родственнику. Послѣ службы на Богоявленіе разболѣлся св. Савва. Причастившись Св. Тайнъ въ полночь, мирно почилъ онъ о Господѣ 12 января 1235 г. Мощи его перенесъ король Владиславъ въ сербскій монастырь Милешево.

При нашествіи турокъ Синанъ-паша святотатственно похитилъ святые мощи изъ обители и сжегъ близъ Бѣлграда на полѣ Врачарѣ, чтобы уничтожить память о великомъ просвѣтителѣ сербскаго народа, но Господь еще больше прославилъ Своего угодника, его же молитвами, Христе Боже, сподоби насъ въ мирѣ и тишинѣ пожить, Тебѣ благоугождающе. Аминь.

Житіе св. Іоанна Кущника.

Мѣсяца января въ 15 день.

Когда царствовалъ благочестивый царь Левъ Великій, въ Царьградѣ жилъ богатый знатный человѣкъ. Звали его Евтропій. Была у него жена Ѳеодора и три сына. Самого младшаго сына звали Іоаннъ. Отрокъ былъ очень умный и любилъ учиться. Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ разумнѣе всѣхъ своихъ школьныхъ друзей. Учителя удивлялись его разуму. Не только онъ былъ уменъ, но и кротокъ, незлобивъ и смиренъ. Играть съ дѣтми онъ не любилъ, а читалъ священныя книги и ходилъ въ церковь. Однажды къ нимъ въ домъ зашелъ одинъ инокъ. Онъ направлялся въ Іерусалимъ, чтобы поклониться святымъ мѣстамъ. Отрокъ сталъ его разспрашивать о томъ, какъ живутъ монахи. Инокъ разсказалъ ему о постѣ, о молитвѣ, о многихъ подвигахъ и трудахъ. Іоаннъ внимательно слушалъ инока и вдругъ спросилъ его: «А ты, отецъ, возвратишься-ли въ монастырь свой или останешься въ Іерусалимѣ?» — «Мнѣ игуменъ мой велѣлъ возвратиться» отвѣтилъ инокъ. Св. отрокъ взялъ инока за правую руку, отвелъ его въ сторону и тихо сталъ говорить: «Я тоже хочу уйти изъ міра и сдѣлаться инокомъ, но родители меня не пустятъ. Они любятъ меня больше чѣмъ моихъ старшихъ братьевъ. Умоляю тебя ради Господа, когда будешь возвращаться изъ Іерусалима, зайди за мною и отведи меня въ твой монастырь».

Инокъ обѣщалъ св. Іоанну. Когда монахъ ушелъ, св. отрокъ попросилъ у родителей подарить ему св. Евангеліе. Родители обрадовались доброму желанію сына и заказали написать красивое Евангеліе. Оковали священную книгу золотомъ и украсили драгоцѣнными камнями. Св. Іоаннъ сталъ внимательно читать св. Евангеліе

и святыя слова Спасителя услаждали его чистое сердце. Онъ съ каждымъ днемъ больше любилъ Бога, съ нетерпѣніемъ ждалъ инока изъ Іерусалима. Св. отрокъ зналъ, что родители его не пустятъ и тайно ушелъ изъ дома съ инокомъ. Они направились къ морскому берегу. На пристани нашли они корабль и упросили хозяина везти въ ту мѣстность, гдѣ находилась обитель инока. Хозяинъ же просилъ за проѣздъ много золота. Св. Іоаннъ попросилъ его подождать три дня. Св. отрокъ быстро вернулся домой и обратился съ просьбой къ матери: «Я хочу, просилъ онъ, угостить моихъ друзей, дай мнѣ денегъ». Мать попросила денегъ у отца, и тотъ, любя сына, съ радостью далъ ему сто золотыхъ монетъ — какъ разъ столько, сколько просилъ хозяинъ корабля за проѣздъ въ обитель. Отецъ послалъ съ сыномъ раба, чтобы закупить все нужное къ обѣду. Св. Іоаннъ пошелъ съ рабомъ на берегъ моря и сказалъ

ему: «Давай поищемъ хорошую рыбу». Когда они подходили къ кораблю, онъ отослалъ раба въ училище, говоря: «Пойди, посмотри, собираются ли отроки и опять сюда вернемся». Рабъ ушелъ, а св. Іоаннъ сѣлъ на корабль съ инокомъ. Черезъ нѣкоторое время корабль отошелъ отъ берега. Св. Іоаннъ взялъ съ собою и св. Евангеліе, которое подарили ему его родители, читалъ его по дорогѣ и утѣшался.

Рабъ же вернулся изъ училища, сталъ искать на берегу св. отрока и не нашелъ. Онъ подумалъ, что св. Іоаннъ вернулся домой, но и дома онъ не нашелъ его. Опечаленные родители стали всюду искать своего любимаго сына, не только въ Царьградѣ, но и въ окрестностяхъ города. И, нигдѣ не находя его, плакали и рыдали о немъ. А св. Іоаннъ съ инокомъ плыли по морю. Господь послалъ имъ попутный вѣтерь, и корабль скоро приплылъ къ святой обители.

Игуменъ увидѣлъ юного Іоанна и сталъ объяснять ему, какъ трудна иноческая жизнь. А святой упалъ къ ногамъ его, плакалъ и умлялъ принять его и постричь его сегодня же. Игуменъ увидѣлъ его слезы, его горячее желаніе поработать Господу — и съ любовью принялъ его и постригъ.

Сталъ отрокъ примѣрнымъ инокомъ, съ великимъ усердіемъ работалъ онъ Господу. Многи дни не вкушалъ онъ пищи, живя однимъ причастіемъ. Такъ, въ подвигахъ и трудахъ прожилъ св. Іоаннъ шесть лѣтъ въ обители. Черезъ шесть лѣтъ врагъ рода человѣческаго вложилъ ему въ сердце страшную тоску о родителяхъ Потерялъ покой блаженный Іоаннъ. День и ночь сталъ онъ думать объ отцѣ, о матери, о братьяхъ своихъ, о томъ какъ они плачутъ и скорбятъ безъ него. Больше чѣмъ отъ подвиговъ высохъ св. отрокъ. Сталъ онъ точно былинка, колеблемая вѣтромъ. Игуменъ съ жалостью ему сказалъ: «Я же говорилъ тебѣ, дитя мое, что нельзя такъ строго поститься. Ты едва стоишь на ногахъ, а тебѣ еще много надо работать для Господа». — «Не постъ меня изсушилъ, отецъ,» — отвѣтилъ печальный Іоаннъ, — «а искушеніе, вложилъ мнѣ лукавый въ сердце, страшную тоску о родителяхъ моихъ». Прослезился игуменъ отъ жалости къ своему любимому иноку, и по волѣ Божіей благословилъ онъ св. Іоанна поѣхать навѣстить родителей. Св. Іоаннъ ушелъ къ себѣ въ келлію и сталъ долго, горько и со многими воздыханіями и слезами молиться Господу, чтобы Онъ, Всеблагій, помогъ ему. На слѣдующее утро онъ простился съ игуменомъ, съ братьями и, надѣясь на помощь Божію, направился домой. Когда онъ немного отошелъ отъ монастыря, то обернулся въ послѣдній разъ, посмотрѣлъ на обитель и горько заплакалъ, упавъ на землю и орошая ее слезами. Помолившись, направился онъ дальше. На пути ему встрѣтился нищій, одѣтый въ лохмотья. Онъ попросилъ у нищаго разодранную одежду, а свою отдалъ ему взамѣнъ. Когда святой прибылъ въ Царь-

градъ, увидѣлъ издали домъ родительскій, онъ палъ лицемъ на землю и воскликнулъ: «Господи, Іисусе Христе, не оставь меня».

Былъ вечеръ. Іоаннъ ждалъ на томъ мѣстѣ до ночи. Въ полночь онъ подошелъ къ воротамъ родительскаго дома, упалъ на колѣни и сказалъ: «Господи, Іисусе Христе, вотъ домъ отца моего, котораго я такъ хочу видѣть, не прогнѣвайся на меня за это Господи и помоги, чтобы я на этомъ мѣстѣ окончилъ дни моей жизни земной». До свѣта передъ воротами молился святой, а когда разсвѣло, двери открылись, и вышелъ управитель дома, старшій надъ всѣми рабами. Онъ увидѣлъ передъ воротами св. Іоанна, одѣтаго въ лохмотья нищаго и строго его спросилъ: «Какъ ты смѣлъ придти сюда. Уйди отъ сюда, сейчасъ выйдутъ мои господа изъ дому». Блаженный Іоаннъ смиренно ему отвѣтилъ: «Ты видишь, я нищій, будь милосерденъ, не гони меня, я поселюсь въ углу, я никому зла не сдѣлаю, а тебя наградитъ Господь».

Скоро вошли изъ воротъ его родители и направились къ палатѣ царя. Заплакалъ отъ радости св. Іоаннъ и сказалъ: «по волѣ Божіей вижу моихъ родителей».

Сталъ блаженный жить при воротахъ, какъ нищій Лазарь, о которомъ разсказывалъ въ св. Евангеліи Спаситель.

Удивлялся Евтропій терпѣнію нищаго, какъ онъ выносилъ морозъ, непогоду, зной. Онъ сталъ ему посылать ѣду со своего стола. «Кто знаетъ», говорилъ скорбящій отецъ, — «можетъ быть, и сынъ мой такъ же мучается, какъ этотъ нищій».

Мать его однажды вышла изъ дома и увидѣвъ св. Іоанна въ лохмотахъ, въ грязи — возгнушалась убогимъ. Она сказала слугамъ: «Уберите отсюда этого гнуснаго человѣка. Не могу я здѣсь проходить, не хочу я его видѣть». Слуги увели св. Іоанна. И сталъ блаженный издали смотрѣть на ворота дома отца своего.

Однажды онъ увидѣлъ управителя, выходящаго изъ воротъ дома и сказалъ ему: «Молю тебя, господинъ мой, ты оказалъ мнѣ уже милость, такъ и теперь смилосердуйся надо мною, сдѣлай мнѣ шалашъ (по славянски кущу), чтобы меня не видѣла госпожа и чтобы я имѣлъ небольшую защиту отъ мороза». И управитель дома выстроилъ ему маленькую хижину, и святой сталъ въ ней день и ночь молиться Богу.

Евтропій каждый день посылалъ ему пищу, а св. Іоаннъ раздавалъ все другимъ нищимъ, самъ же голодалъ и жаждалъ. Такъ прожилъ блаженный три года, не говоря родителямъ своимъ, что онъ ихъ сынъ. Черезъ три года явился ему Господь Нашъ Іисусъ Христосъ въ видѣніи, говоря: «Радуйся, Іоанне, черезъ три дня ты придешь ко мнѣ и будь жить вмѣстѣ со святыми».

Проснулся св. Іоаннъ и началъ съ плачемъ молиться Господу и благодарить Бога за Его великую милость къ нему. Онъ просилъ

Господа помиловать отца его и мать, немилостивую къ нему, нищему. Помолившись, призвалъ онъ управителя и сказалъ ему: «Ты всегда былъ добръ ко мнѣ, будь же и до конца добрымъ, одно прошу тебя, подойди и скажи госпожѣ твоей такъ: «Тотъ нищій, которого ты повелѣла отогнать отъ воротъ, умоляетъ тебя, ради Христа, придти къ нему». Управитель пошелъ и сказалъ госпожѣ своей: «Я его и видѣть не хочу», — отвѣтила мать блаженнаго. Евтропій уговаривалъ жену свою такъ: «Иди, жена моя, не гнушайся нищимъ, — нищихъ любитъ Богъ». Ѳеодора же не послушалась мужа своего. Но вотъ сказали ей, что нищій умираетъ. Вышла

мать изъ дома и повелѣла рабамъ своимъ принести нищаго къ себѣ. Когда его принесли къ матери, онъ покрылъ лицо свое, чтобы не узнала его мать и сказалъ ей: «Кончаются дни службы моей у васъ, госпожа, Господь вознаградитъ васъ за то, что вы мнѣ, нищему убогому, милость оказали. Я бѣдный, я ничѣмъ не могу васъ отблагодарить, я оставлю вамъ мое нѣкоторое благословеніе — одинъ даръ. Только поклянись мнѣ, что сдѣлаешь такъ, какъ я прошу тебя». Мать поклялась исполнить его просьбу. Тогда преподобный Іоаннъ сказалъ: «Молю тебя, госпожа, погреби меня

послѣ смерти на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла моя хижина и покройте меня рубищемъ, которое я всегда ношу». Преподобный Іоаннъ подалъ ей свое драгоцѣнное св. Евангеліе, подарокъ родителей, и сказалъ: «Вотъ тебѣ на утѣшеніе, тебѣ и мужу твоему путь въ Царство Небесное». Мать взяла св. Евангеліе, стала его внимательно разсматривать и съ удивленіемъ замѣтила: «Это Евангеліе похоже на то, которое господинъ мой подарилъ сыну нашему», Ѳеодора поспѣшила показать Евангеліе своему мужу. Онъ посмотрѣлъ на священную книгу и съ удивленіемъ воскликнулъ: «Воистину это то Евангеліе, которое я подарилъ сыну. Спросимъ у нищаго, откуда оно у него, не знаетъ-ли онъ о нашемъ сынѣ Іоаннѣ». И пошли отецъ и мать къ преподобному и спросили его. «Ради Господа, скажи намъ, откуда у тебя это св. Евангеліе? Гдѣ нашъ сынъ Іоаннъ?» Умирающій ихъ сынъ возлюбленный не могъ больше удержаться отъ скорби и слезъ и воскликнулъ: «Я сынъ вашъ Іоаннъ, и это то Евангеліе, которое вы мнѣ дали. Я — виновникъ вашей печали, но Евангеліе, которое вы мнѣ дали, научило меня больше всего любить Христа и ради Него терпѣть скорби».

Родители, услышавъ слова сына возлюбленнаго, упали ницъ, возлѣ головы его, обнимали его и горько рыдали. Передъ ними былъ ихъ долгожданный сынъ возлюбленный, котораго они шесть лѣтъ не узнавали, въ видѣ нищаго, страждущаго у воротъ родного дома. Собрались къ дому ихъ сосѣди и друзья. Вскорѣ весь городъ узналъ, что нашелся сынъ ихъ и всѣ удивлялись и славили Бога. Въ часъ торжества позвалъ Господь къ себѣ страдальца нищаго, чтобы его чистое сердце не омрачилось земною радостью, и отошелъ въ селенія блаженныхъ преподобный Іоаннъ.

Мать въ горѣ великомъ забыла клятву свою, скинула съ него рубище, облачила въ златотканныя одежды возлюбленнаго сына своего — и тотчасъ же заболѣла. Евтропій сказалъ, чтобы она исполнила волю сына и одѣла бы тѣло его рубищемъ. Она послушалась — и выздоровѣла.

Мощи преподобнаго были погребены въ «кущѣ», какъ онъ просилъ. Его родители надъ гробомъ сына воздвигли церковь и выстроили большой домъ для странниковъ. Всѣ свои деньги и имѣнія они истратили на нищихъ. Когда они умерли, то были погребены при гробѣ ихъ возлюбленнаго сына, который теперь радуется въ небесной церкви благодатію Господа Нашего Іисуса Христа, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Св. Павла (Палестинская подвижница).

память 26-го января.

Блаженная Павла была дочерью богатыхъ и благородныхъ родителей — жителей города Рима. Она вышла замужъ за чело-

вѣка знатнаго и не менѣе богатаго, чѣмъ она. Павла была доброю супругою и матерью пятерыхъ дѣтей.

Но счастье земное могло повредить доброму сердцу Павлы. И вотъ Господь посылаетъ ей тяжелую скорбь: любимый супругъ ея умираетъ, когда ей было всего 32 года. Павла, у которой было сердце нѣжное, неутѣшно плакала о смерти мужа. Благочестивая вдова Маркелла утѣшала ее и обратила сердце ея ко Господу. Павла стала евангельскою вдовицею. Огромное состояніе доставляло ей средства отирать слезы сотнямъ семействъ бѣдныхъ. Павла отыскивала бѣдность и горе въ огромномъ городѣ, чтобы утѣшить ихъ. Она считала себя несчастливою, если не удавалось оказать пособіе страждущей семьѣ. Павла говорила: «Я желаю быть нищею для Господа, обнищавшаго для насъ».

Когда въ Римъ прибыли по церковнымъ дѣламъ Архіепископы Кипрскій Епифаній и Павлинъ Антіохійскій, Павла приняла ихъ къ себѣ и доставляла для нихъ все нужное.

Бесѣды со святителями были для нея самымъ пріятнымъ наслажденіемъ.

Старшая дочь ея, необыкновенно даровитая, прожившая съ мужемъ только семь мѣсяцевъ, готовилась вступить въ монастырь, но умерла. Это было сильнымъ ударомъ для сердца Павлы.

Ея сынъ Токсотій женился на дочери верховнаго языческаго жреца — и старый язычникъ сдѣлался христіаниномъ. Его маленькая внучка, сидя на колѣняхъ, лепетала улыбающемуся дѣду: «Аллилуя».

Павла рѣшила оставить Римъ, разстаться съ дѣтьми и съ обширною знатною роднею и переѣхать въ Святую Землю.

Она отправилась съ дочерью опаснымъ морскимъ путемъ на востокъ.

Въ Іерусалимѣ проконсулъ приготовилъ для нея дворецъ, но она помѣстилась въ маленькомъ, бѣдномъ домикѣ. Она простиралась предъ Крестомъ Спасителя, лобызала камень, отваленный ангеломъ, и то мѣсто, гдѣ лежало пречистое Тѣло, принявшаго на Себя грѣхи всего міра. Сколько тутъ пролито было слезъ, сколько было вздоховъ и скорби! Показывали ей столпъ, окропленный кровью Господа, гдѣ Его, привязаннаго, бичевали.

Раздавъ бѣднымъ, что могла, пришла Павла въ Виѳлеемъ. Она часто посѣщала цещеру, гдѣ родился Христосъ Господь.

«Какое счастіе, — говорила она, — для бѣдной грѣшницы, какова я,лобызать эти ясли, гдѣ Спаситель мой лежалъ младенцемъ. Надобно-ли мнѣ еще искать себѣ иного мѣста, чѣмъ то, которое избралъ для Себя Спаситель мой?»

Впослѣдствіи въ Виѳлеемѣ Павла построила, на дорогѣ къ Іерусалиму, страннопріимный домъ и мужской монастырь.

Въ Виѳлеемѣ она устроила обширный монастырь женскій.

Строгая мать Павла была училищемъ благочестія для сестеръ ея. Смиреніе ея было изумительное. Когда она была окружена сонмомъ дѣвъ, то казалось послѣднею между ними, и по одеждѣ, и по голосу, и по пріемамъ, и по поступи. Она спала на голой землѣ, даже и въ лихорадкѣ, мало вкушала пищи и притомъ самой простой, и питалась болѣе слезами. Исключая праздничные дни, она почти вовсе не подбавляла въ пищу масла. Когда просили ее поберечь свое слабое здоровье, она отвѣчала: «Мнѣ надобно обезобразить лицо свое, которое столько разъ выставляла я на показъ, натирая красками, въ оскорбленіе воли Божіей. Справедливость требуетъ истязать тѣло, которое слишкомъ много вкушало сладостей; надобно мнѣ плакать много, послѣ того какъ я много веселилась. Я должна замѣнять власяницею роскошныя одежды: довольно я старалась нравиться свѣту, хочу нынѣ употребить все, чтобы сколько нибудь быть угодною Богу».

Передъ отшествіемъ къ Господу, блаженная тяжело заболѣла. Страдая, она тихо читала псалмы.

«Не слишкомъ ли ты страдаешь?» — спросилъ ее духовникъ.

«Мнѣ хорошо», — прошептала святая и блаженно отошла ко Господу.

Множество инокинь и иноковъ совершили погребеніе надъ нею. Вдовы и бѣдные указывали на одежды, доставленныя ею. Толпы нуждающихся кричали: «Мы потеряли мать и кормилицу нашу».

Она почила 26-го января 404 года, на 58-омъ году своей жизни.

М. В.

Училище благочестія

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

УЧЕНІЕ О ПЛАЧѢ ПРЕПОДОБНАГО ПИМЕНА ВЕЛИКАГО *).

Братъ вопросилъ авву Пимена о томъ, какое должно имѣть иноку дѣланіе. Авва отвѣчалъ: «Авраамъ, когда пришелъ въ обѣтованную землю, то купилъ себѣ гробъ, и съ гроба началъ вступать во владѣніе Обѣтованною землею». Братъ спросилъ: «какое имѣетъ значеніе гробъ. Авва отвѣчалъ: «это — мѣсто плача и рыданія».

Слѣдующее изреченіе также принадлежитъ аввѣ Пимену: «плачъ — сугубъ: дѣлаетъ и хранитъ».

Братъ вопросилъ авву Пимена: что мнѣ дѣлать со страстями моими, возмущающими меня? Старецъ сказалъ ему: «будемъ всеусильно плакать предъ благостію Божіею, доколѣ она не сотворитъ милости съ нами».

Братъ вопросилъ авву Пимена: что мнѣ дѣлать съ грѣхами моими? Старецъ сказалъ: «Желающій избавиться отъ живущихъ въ немъ грѣховъ, плачемъ избавляется отъ нихъ, и желающій не впадать вновь въ грѣхи, плачемъ избѣгаетъ отъ впаданія въ нихъ. Это — путь покаянія, преданный намъ Писаніемъ и Отцами, которые сказали: плачьте! другаго пути кромѣ плача нѣтъ».

Однажды авва Пименъ, проходя чрезъ Египетъ, увидѣлъ женщину, сидѣвшую на гробѣ и плакавшую горько. При этомъ онъ сказалъ: «еслибъ со всего міра стеклись къ ней утѣшающіе: то не отвлекали бы души ея отъ плача. Такъ и монахъ долженъ постоянно имѣть въ себѣ плачъ».

Однажды преподобный Пименъ шелъ съ аввою Анувомъ въ окрестностяхъ города Діолка. Увидѣвъ тамъ женщину, терзающуюся и горько плачущую надъ могилою, они остановились послушать ее. Потомъ, нѣсколько отошедши, встрѣтили прохожаго, и спросилъ его святый Пименъ: «что случилось съ этою женщиною? она такъ горько плачетъ». Прохожій отвѣчалъ: у ней умерли мужъ. сынъ и братъ. Тогда авва Пименъ, обратясь къ аввѣ Ануву, сказалъ: «говорю тебѣ: если человѣкъ не умертвивъ всѣхъ плотскихъ пожеланій своихъ, и не стяжетъ такого плача: то не можетъ быть монахомъ. Все житіе монаха — плачъ».

Сказалъ старецъ: «Плачъ составляетъ поученіе (душевное дѣланіе, душевный подвигъ) инока. Если нѣтъ плача, то невозможно

*) Алфавитный Патерикъ, буквы П. и А.

сохраниться отъ разстройства и смущенія». Я отвѣчалъ: когда я въ келліи, тогда плачъ пребываетъ со мною; если же кто придетъ ко мнѣ, или я выйду изъ келліи, то уже не обрѣтаю его. На это старецъ сказалъ: «это оттого, что плачъ не усвоился тебѣ, но какъ бы данъ взаймы». Я просилъ объяснить мнѣ эти слова. Старецъ сказалъ: «если человѣкъ потрудится всеусильно о стяжаніи плача: то обрѣтаетъ его въ служеніе себѣ, когда только захочетъ».

Братъ вопросилъ авву Пимена: къ чему должно быть устремлено вниманіе безмолвствующаго въ келліи? Старецъ отвѣчалъ: «я — подобенъ человѣку, погрязшему въ болото по шею, имѣющему бремя на шеѣ, и вопіющему къ Богу: помилуй меня!» Помилуй меня! это выраженіе внѣдрившагося въ душу плача. Плачъ, когда достигаетъ развитія, не можетъ облекаться въ многомысліе и многословіе: онъ довольствуется для выраженія необъятнаго духовнаго ощущенія самою краткою молитвою.

Братъ вопросилъ авву Пимена о монашескомъ дѣланіи. Старецъ сказалъ: «когда Богъ посѣтитъ насъ призывомъ въ вѣчность: тогда что озаботитъ насъ?» — Братъ отвѣчалъ: грѣхи наши. Старецъ сказалъ: «итакъ! войдемъ въ келліи наши; уединившись въ нихъ, воспомянемъ грѣхи наши, и Господь послушаетъ насъ». Здѣсь должно разумѣть не поверхностное, холодное воспоминаніе о грѣхахъ и о грѣховности своей, — воспоминаніе, соединенное съ покаяніемъ, съ плачемъ.

Когда скончался авва Арсеній Великій, — святый Пименъ, при вѣсти о кончинѣ Великаго, прослезившись, сказалъ: «блаженъ ты, авва Арсеній! потому что ты плакалъ о себѣ въ жизни сей. Не плачущій здѣсь, будетъ вѣчно плакать. Невозможно не плакать, или здѣсь произвольно, или невольно тамъ, въ мукахъ».

О СЛЕЗАХЪ.

Слезы — естественны падшему человѣческому естеству. До паденія оно не вѣдало слезъ, — вѣдомо ему было одно чистѣйшее наслажденіе райскимъ блаженствомъ. Оно утратило это блаженство: ему оставлены слезы, какъ выраженіе сочувствія къ блаженству, какъ свидѣтельство паденія, какъ свидѣтельство состоянія подъ гнѣвомъ прогнѣваннаго Божества, какъ надежда возвратить когда-нибудь блаженство. Вѣрна эта надежда: потому что сочувствіе къ блаженству не изглажено изъ естества. Вѣрна эта надежда: потомучто сѣтованіе о потерѣ небеснаго блаженства не можетъ быть удовлетворено никакимъ временнымъ удовлетвореніемъ; оно, оставаясь неудовлетвореннымъ, ожидаетъ удовлетворенія, возвѣщаетъ существованіе удовлетворенія. Въ слезахъ таинственно живетъ утѣшеніе, и въ плачѣ

— радость. Человѣкъ, въ какомъ бы ни былъ земномъ благополучіи, на какой бы высотѣ ни стоялъ, въ какомъ бы обиліи ни плавалъ, встрѣчаетъ и переживаетъ такія минуты, часы и дни, въ которые нуждается въ утѣшеніи, доставляемомъ слезами, — утѣшенія въ другомъ утѣшеніи не находитъ. Каждый изъ насъ лишь вступаетъ въ страну нашего изгнанія и томленія, въ страну страданій и плача, какъ и ознаменовываетъ это вступленіе, начало своего существованія, плачевымъ воплемъ. **Блаженъ мужъ, ему же есть заступленіе его у Тебе,** ознаменовываемое слезами при молитвѣ его! Таковы невидимыя, духовныя **восхожденія въ сердцѣ своемъ положи,** переходя **юдоль плачевную** — земную жизнь, которую Ты назначилъ для покаянія: **ибо благословеніе дастъ законополагаяй** намъ и слезы. Очищающіе себя плачемъ и слезами,**пойдутъ отъ силы въ силу, и явится Богъ боговъ въ Сіонѣ** — въ духѣ человѣческомъ, пріуготовленномъ къ пріятію Бога истиннымъ покаяніемъ (Псал. LXXXIII, 6, 7,8). **Сѣющіи слезами, радостію пожнутъ.** Тѣ **ходящіи** путемъ земной жизни, которые **хождаху** по пути узкому и прискорбному, **и плакахуся. метающе сѣмена своя, грядуще пріидутъ радостію, вземлюще рукояти своя** (Пс. CXXXV, 5, 6).

Слезы, какъ свойство падшаго естества, заражены недугомъ паденія, подобно всѣмъ прочимъ свойствамъ. Иной бываетъ особенно склоненъ къ слезамъ по природѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ проливает слезы: такія слезы называются естественными. Есть и грѣховныя слезы. Грѣховными слезами называются слезы, проливаемыя по грѣховнымъ побужденіямъ. Такія слезы во множествѣ и съ особенною легкостію проливаются людьми, преданными сладострастію; слезы, подобныя слезамъ сладострастныхъ, проливаютъ находящіеся въ самообольщеніи и прелести; льются обильно слезы изъ тщеславія, лицемѣрства, притворства, человѣкоугодія. Наконецъ проливаетъ ихъ злоба: когда она лишена возможности совершить злодѣяніе, пролить человѣческую кровь, тогда она проливаетъ слезы. Эти слезы имѣлъ Неронъ, въ которомъ современные христіане, по жестокости его и ненависти къ христіанству, думали видѣть антихриста *). Къ естественнымъ слезамъ относятся слезы отъ огорченія; когда же огорченіе имѣетъ характеръ грѣховный, то слезы огорченія дѣлаются слезами грѣховными. И естественныя и грѣховныя слезы, немедленно по появленіи ихъ, повелѣвается намъ святыми Отцами прелагать на богоугодныя, то есть, измѣнять побужденіе слезъ: приводить себѣ на память согрѣшенія наши, неизбѣжную и неизвѣстную смерть, судъ Божій, — и плакать по этимъ причинамъ (Лѣствица. Слово 7. Преподобный Нилъ Сорскій. Слово 8).

---

*) Это мнѣніе читаемъ въ діологахъ Севера Сулпиція, помѣщенныхъ въ библіотекѣ Галланда и въ полномъ курсѣ Патрологіи.